

Мария Ильина

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

16+

Мария Александровна Ильина

Прошлое в настоящем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64861987

SelfPub; 2021

Аннотация

Прошлое не умирает, пока жив хоть один участник событий. Преступления времен войны прорываются сквозь толщу лет, убивая одних и воскрешая других. Героям книги пришлось ощутить на себе ледяное дыхание смерти, донесшееся до них из далеких сороковых. Отправляясь за тайнами прошлого, они невольно запускают череду событий, предотвратившую преступление в настоящем.

Мария Ильина

Прошлое в настоящем

Часть I

Прошлое

Глава 1

В новую жизнь

...Таня хлопнула дверью, с размаху бросилась на кровать и истерически расхохоталась. Мама выходит замуж! Это же надо! Еще и венчаться будет! Жесть!

Нет! Не так она мечтала начать самостоятельную жизнь! Чтобы какой-то посторонний тип выгонял из родного дома?! И как только наглости хватило, а еще тихоней прикидывался! Хотя...

«Давно пора! Двадцать два стукнуло, хватит висеть у мамы на шее! Замаялась она совсем, как отец умер. На нём всё держалось! На маме только дом, чтобы всегда чисто, вкусно, красиво! Ну, еще дети...»

Таня даже поморщилась, не желая причислять себя к этой категории. Дочка – отличница, сыночки – помощники. Семья из инстаграма, только и делай, что сладкие фотки выкладывай.

Без отца всё кувырком пошло! Мать целый день на работе. Дом неуютный, заброшенный, хозяина нет. Братишки-придурки озверели совсем, никого не слушают! А тетки кругом

ворчат: «Мужская рука нужна!»

Мужская – это только папина! Не этого же слизняка?!

Татьяна аж вздрогнула от отвращения. Вытащила из комода отцовскую фотографию. Глянула, будто совета спрашивая. Одна Таня его вспоминала, как живого, пыталась представить, что бы он подумал о том, что в жизни без него происходит. Как бы оценил? Что бы сказал? Нет, не стал бы судить мать, что с другим связалась! Ей жизнь устраивать нужно, значит, правильно всё!

После «общения с отцом» Тане стало немного легче. Она положила фотографию на место, теперь почти не дуясь на мать, а слегка посмеиваясь. Старая уже, сорок пять, а всё туда же! Тут же память подкинула поговорку: «Сорок пять – баба ягодка опять!» Что за чушь? Какая там ягодка, сушеная, что ли?! Вроде изюма?

Развеселившись от пришедшей на ум шутки, Таня села на кровати и придирчиво оглядела обшарпанную, захламленную комнату. Их совместную с мамой комнату. Вещи, всюду вещи: убирай не убирай! Всё равно валяются... А жить где? Прав мужик! Как его там? Дядя Федор! Не имя, а мрак! Прямо как из древнего мультика! Состарившийся рыжий мальчишка из Простоквашина! А что, похож! Может, и не противный он вовсе, а смешной... какой-то! Смушался даже, когда их совместное с матерью предложение озвучивал:

– Тетка у меня есть... одинокая старуха... Квартира двухкомнатная в Москве, около метро! Не то что Балашиха!

Сколько времени на дорогу уходит! А там всё под боком! Поживи у бабки, может, понравится... У нее маразм немного, но ты ведь врач! Почти врач. На четвертом курсе уже. Поживи, попробуй!.. Не понравится – вернешься. Так лучше будет!

Мать покраснела, даже пятнами пошла.

«Жаль ее, хотя за спиной нехорошо сговариваться!» – подумала она.

...За стеной что-то с грохотом рухнуло, слышались крики, переходящие в визг. Закачалась люстра, жалобно зазвенели стеклянные подвески. Мамин свадебный подарок. Жить всем в одной жалкой комнатухе?!

Но... Обидно стало за отца, его-то сейчас выгнали по-настоящему. Что бы он сказал? А вот что: «Будь сильной, не трусь, вперед иди, а то вся жизнь мимо пройдет!» Мимо, это точно! С ненавистью посмотрела на заляпанные, ободранные местами обои, на стертый до дерева, потемневший паркет... И... к чёрту весь этот мрак, валить отсюда – и поскорее!

Татьяна так задумалась, что не услышала, как вошла мать, села рядом на кровать, обняла дочку, погладила по голове, поцеловала. Девушка хотела было отшить ее, и погрубее, ведь что удумали! Но вместо этого уткнулась в материнское плечо и разревелась сладко, как в детстве. Мать смущенно обняла совсем взрослую дочь.

– Прости меня! Но для тебя это шанс выбраться! Ты же у меня умница, красавица – справишься.

– С чем справлюсь? – удивилась девушка и, оживившись от внезапного открытия, воскликнула: – Сам-то почему там не живет?

– Так бабка того... У нее сестра старшая пропала куда-то еще в сорок седьмом. А она ждет ее до сих пор, уже семьдесят с лишним лет ждет, никого близко не подпускает. Всю жизнь одна-одинешенька! Федькин дядька ее опекал, связи у него в ФСБ, кажется. А то давно бы черные риелторы оприходовали!

– Чушь какая-то! Не клеится ничего. Если бабка чужая всем, давно бы в интернат сдали! А тут такое благородство, не верится как-то! – Девушка оживилась, учуяв тайну.

Мать покраснела.

– Федя... он добрый, правда! Верующий, воцерковленный, посты соблюдает, на службы ходит, молится. Душевный человек, духовный... – Восхищенный взгляд ее затуманился.

Танька насторожилась: что-то отталкивающее было в таких святошах. Может, высокомерие посвященных по отношению к остальным «простым, темным» людям? Или оголтелое стремление изобличать чужие грехи? Трудно сказать, что больше напрягало. Хотя Таня верила в мудрого, доброго Бога, который не карает, а учит честно, правильно жить.

Разговор незаметно затух, обе женщины сосредоточенно думали: старшая – о том, что выбросит раздолбанный письменный стол и поклеит новые обои, а младшая – о Боге и смысле жизни.

Дверь пронзительно скрипнула, просунулась рыжая борода.

– Лариса! Танечка! Ну, я пойду! Завтра с утра поедem к Серафиме Васильевне, всё покажу, в курс дела введу!

Борода исчезла.

Мать порывисто кинулась провожать, дочка, надувшись, отвернулась.

Глава 2

Старушка-девочка

Конец мая выдался жарким, как июль. К тому же воскресенье. Невыносимо хотелось бежать из дома куда подальше. Решено! Идти смотреть на бабуку и возможное пристанище! Чувствовался какой-то подвох: уж очень унылым и подавленным выглядел Федор, будто не верил в успех.

«Ну и пес с ним! И с квартирой тоже! Главное – приключение!» Чутье подсказывало: день запомнится надолго! Татьяна задумчиво повертелась перед зеркалом, расчесывая длинные, ниже пояса, золотистые волосы. Не стригла потому, что отцу обещала еще в шестом классе. Очень уж он хотел свою принцессу женственной видеть. И не успел сказать: «Хватит!» Волосы всё росли и росли, всё труднее с ними становилось, но она не трогала их в память о папе.

«Вот и теперь – что с ними делать? Оставить распущенными? Нет, жарко!»

И пальцы сами начали плести косу. А надеть что? Девушка она фигуристая, да еще прибавила за зиму, и любимые

шорты перестали сходиться! Вот незадача! Иная на ее месте расстроилась бы и бросилась худеть. Но только не жизнерадостная Танька!

«Пусть другие гремят костями! У меня, между прочим, формы и талия! Всем на удивление!» Татьяна выгребла из ящика множество нарядов и бросила на кровать. Жалкое, мягое барахло, большей частью подачки знакомых, приводивших в порядок шкафы. Она никогда не комплексовала из-за донашивания чужих вещей. На них же не написано, что чужие. Значит, свои. Вытащила засунутое в дальний угол старомодное голубое платье с белым воротником и поясом. Надеть его раньше не поднималась рука. Встряхнула и приложила к себе. А что, прикольно! В институт бы не решилась – еще засмеют. А тут сойдет.

Дядя Федор на девушку даже не взглянул. Уныло поднялся со стула и поплелся к выходу. Ну и ну! Она от него ожидала большего.

«Наверное, передумал под конец, жаба задушила. Конечно, чужой, малознакомой девке комнату за так сдавать! Сплошной убыток! Жадина! И что мать в нём нашла?!» Таньку охватил злой задор. Какой бы он интеллигентный и верующий ни был, всё равно слизняк! Дрожит весь, явно боится чего-то! Сейчас выйдем – спрошу!

Но на улице мужичок так припустил, что она едва поспевала следом. В автобусе двух свободных мест рядом не оказалось – и опять не получилось поговорить. Таня глядела в ок-

но на яркую, свежую зелень, синее небо и пыльные домики. Мир был солнечным и прекрасным, казалось, вот-вот произойдет что-то необыкновенное, радостное! Она так старается, чтобы всё было хорошо. Папа был бы доволен, ведь даже с *этим* поехала, не спорила, не ломалась. Поискала глазами рыжую бороду. Вот он, впился глазами в даль, в разноцветные высотки надвигающейся Москвы. Быстро проскочили мост через МКАД, и вот он – Щелковский автовокзал. Отсюда должно быть пять минут пешком.

Татьяна быстро вскочила с места, опасаясь, что ее спутник может улизнуть куда-нибудь, – и ищи его потом. На остановке пришлось долго стоять, ожидая, пока все пассажиры полудохлыми улитками выползут из автобуса. Федор оказался самым последним; испуганно озираясь, вылез из дверей, поискал глазами будущую падчерицу, а найдя – еще сильнее расстроился, подошел и тихо проямлил:

– Я хотел тебе сказать... Понимаешь...

– Понимаю! В чём же дело?

Он замялся, схватил девушку за руку и потащил к подземному переходу. Они снова бежали в толпе, теперь по направлению к серым, облезлым пятиэтажкам. Таня отчаянно силилась запомнить дорогу на случай, если «этот тип» внезапно сбежит, бросив ее одну.

Так, справа длинный серый пассаж – дурацкая барахолка, как почти у каждой станции метро. Слева старый кирпичный дом с аптекой на первом этаже. Федор вдруг дернул ее влево

и потащил между зданиями по довольно широкой асфальтированной дороге, затем резко свернул в ближайшие кусты, прошлепал по единственной луже и в изнеможении рухнул на скамейку.

– Понимаешь... она, она...

Таня насторожилась.

– Не пускает! – с усилием выпалил он и, вздохнув, как нашкодивший школьник, помолчал немного, будто набираясь сил, а потом – его точно прорвало: – Понимаешь, история такая запутанная! У меня зимой дед объявился... двоюродный. Якобы дядька матери моей по отцу. Я очумел просто! Мать в сорок четвертом родилась, от «победителя», бабка одна ее воспитывала. Про папашу молчала, как партизан! Даже фамилии, имени ни разу не назвала! Люди старой закалки, понимаешь, молчать умели, слова лишнего не вытянешь! Вот и мать об отце не вспоминала ни разу. Ну не было его никогда – и точка. И о чём говорить-то, связь случайная, фронтовая, когда наши село от фрицев освобождали.

Федор отдышался немного и снова затараторил:

– Тут вдруг, как гром средь ясного неба, звонок... и история дурацкая. А спросить не у кого, мамы уже два года как нет. – В голосе его почудился всхлип. – Встречу мне назначили в кафе на Никитской, место дорогое, солидное. Подошли двое: один представительный такой, в очках, не то секретарь, не то нотариус, а другой – старик древний, за девяносто, жизнь едва теплится, а сам властный, слова ска-

зять не дает. Сразу видно – хозяин! Не моего уровня люди, что, думаю, им от меня нужно? Мысли всякие полезли, еще «обуют» как-нибудь изощренно. Уйти хотел до разговора, но не пустили... Дескать, воля умирающего – закон, и баста! – Федор совсем погрузился. – Человек я робкий, спорить не умею, да и что с меня взять – только комната есть в коммуналке в Балашихе, и та по соцнайму. Да и церковь учит: «Не осуждай никого! Людям помогай!» А эти двое вроде ничего от меня не хотят, напротив, квартиру бесплатно предлагают, в обмен на обязательство за старухой ухаживать. Я всё подвох искал: что, мол, кроме меня желающих не нашлось? Говорят: «Наследник ты ее законный!» Я, признаться, не поверил, но отказать не посмел. Значит, на то воля Божья! Дар свыше! – Федор елеинно закатил глаза. – И, по правде сказать, при моей зарплате из недвижимости можно только собачью конуру купить, и то в рассрочку. А тут квартира целая! Бумаги сразу же оформили, готово у них всё было, будто согласие мое – пустая формальность. Документы, ключи от квартиры оставили и смылись. Я искать пытался, по телефону звонить – бесполезняк. Конечно, имя, фамилия, место прописки старика указаны были, но, когда через месяц знакомый хакер пробил его по базам, дед уже помереть успел. Вот такой вышел Микки-Маус! – Он неловко усмехнулся над нелепым своим словцом и продолжил: – С документами оказался полный порядок, а вот с бабкой – не очень. Я к ней со всем вниманием, а она на порог не пускает! Чокнутая со-

всем! Всё сестру свою Лизу ждет, пропавшую семьдесят два года назад в Крыму. Тут дошло, в чём подвох: старик меня ее опекуном сделал, потому что не обижу убогую, заботиться буду по мере сил. Ведь поклялся. А может, и вправду родственник: бабка моя родом из Крыма. Кто уж теперь до правды докопается?!

Девушка глянула на будущего отчима с явным подозрением. «Сказка такая бредовая, что ни слово, то нестыковка! Деда не было никогда, а вдруг родня у него появилась! Чушь собачья! А ты уши развесил, впрягся помогать? Да еще поклялся? Ох, не верится!»

Федор, видно, понял ее красноречивый взгляд, затараторил, явно смущаясь:

– Я тоже сперва подумал – мошенничество! А потом поразмыслил: ведь у меня не берут ничего, напротив, дают. Если им присмотр за бабкой нужен, то они правильно выбрали: честно всё исполню, не обману.

У Тани от этого бреда голова пошла кругом. «Может, человек и вправду хороший? Просто дурачок, блаженненький? Как мать с ним жить будет?» Мысль развивать не стала, не ее дело. А вот загадка зацепила.

– Федор Андреевич! – Она впервые назвала будущего отчима по имени-отчеству. – Что там за история была? Хоть как-то же вам всё объяснили?

– Мало что знаю. Вроде старший брат того старика, о ком говорил, в контрразведке служил не то майором, не то пол-

ковником и женат был на пропавшей сестре этой самой бабуси. Она тогда, девчонкой, с ними жила, родители их в войну погибли. — Он встал, вдохнул обреченно. — Ну даже если и была там какая-то тайна, так толку что? За семьдесят с лишним лет всё не то что быльем — плесенью поросло, в прах рассыпалось! Политика какая-нибудь! Мужик тот шпионом оказался, расстрелян в пятидесятом! А что там было — кто разберет! Да не о том речь! Со старухой договориться надо! Я же заботиться о ней обещал! Ну или хотя бы присматривать! Она ж как дите малое!

До Тани наконец дошло:

— Это я, значит, делать должна?!

— А что? Меня она боится, как всех чужих мужиков! Это с детства у нее, с войны! Так одна всю жизнь и прожила, никого не подпускала, даже деда того с трудом! А его-то сто лет знала! — Он посмотрел чистыми, ясными глазами, будто это было для него естественно: вешать свои заботы на другого человека. Таня до того поразилась подобной непосредственности вкупе с наглостью, что даже не смогла возмутиться.

— Как так — ни с кем не общалась? А работала как же?

— С этим тоже мутно. Образования никакого, пять классов, дальше не потянула. Поделки мастерилa деревянные, вроде игрушки, как надомница, получала копейки, ну еще уборщицей. Потом инвалидность. На пенсии уже сорок с лишним лет, ну или больше...

— И всё время совсем одна?

Федор вздохнул.

– Ну не совсем... три дворняжки у нее и кошек парочка... Животные вместо людей! Больная она, в психдиспансере на учете. Ну и опеку над ней сделали в девяностые, когда черные риелторы развелись. Чтобы не пропала убогая, прости меня, Господи! – Он вздохнул еще тяжелее; видно, вся эта история придавила его сверх меры. Он о себе-то с трудом мог позаботиться, а тут еще это...

Таня поскребла носком туфельки торчащий из земли кусок арматуры. Представила себя со стороны – в пышном светлом платице на замызганной скамейке, рядом с лужей. А впереди сумасшедшая старуха с кучей собак и кошек. Весело рассмеялась над собственной глупостью. Как отец учил: «Над собой смеяться – лучшее лекарство! И еще: никогда не отступай перед трудностями!»

А она и не думает отступать, тем более перед такими интересными трудностями.

Девушка резко встала и пошла в обход лужи.

– Который дом?

– Вон тот! Третий подъезд справа! – Федору будто передалось немного бодрости.

...Четыре ступеньки, крыльцо, серая железная дверь с кодовым замком. Она дернула его за рукав, чтобы спросить цифры. Вместо ответа лишь испуганный взмах руки, потом неловкий шаг на газон и стук в приоткрытое окно первого этажа.

– Серафима Васильевна, вы дома?! – Стекло звенело и дребезжало, голос старался казаться смелым. – Это Федор, от Николая Ивановича! Слышите?

– Слышу, слышу, окаанный! Сказала же, не приходи!

Разноголосый залиvistый лай смешался со звоном открываемой рамы. Показалась худая старуха с двумя седыми косичками на плечах; линияые бантики, темно-коричневое платье, в руках – алюминиевый ковшик.

– Проваливай! Просто так не сдамся, фашист! – Размахнулась и выплеснула во врага содержимое кастрюльки.

Федор вскрикнул, шарахнулся, сел на клумбу с фиалками и принялся стряхивать мокрые картофельные очистки и счищать пятна с рубашки и брюк.

Таня, стоявшая на крыльце, весело расхохоталась и перегнулась через перила, чтобы лучше рассмотреть весь этот цирк.

Старуха же, заметив девушку, вмиг переменилась. Свирепость исчезла, лицо просветлело и преобразилось, а пальцы разжались; ковшик со звоном покатился к ногам Федора; тот резво вскочил и попятился.

– Лиза! Лизонька вернулась! Я ждала, верила! Совсем не изменилась! И голубое платьице, то самое! Всё как тогда, в тот день, когда ты так спешила на лиман, что косынку не надела впопыхах... Мишке моему рубашечку надела, а про себя забыла.

Татьяна в ужасе отпрянула, лицо вытянулось. Старуха, за-

метив это, испуганно вскинула костлявую руку и разрыдалась:

– Неужто обидела тебя? Прости, прости! Только не уходи! Не бросай меня! Ах, этот ирод с тобой? Неужто?! Я не хотела!

Девушке захотелось убежать от этой сумасшедшей. Но отец бы не одобрил трусости и слабости. «Больным помогать надо, а не нос воротить! На то ты и врач!» И он сам был врачом, настоящим. Таня попыталась улыбнуться и говорить спокойно и уверенно, как папа:

– Вы, пожалуйста, не волнуйтесь! Всё хорошо! – начала она, отчаянно силясь вспомнить, о чём рассказывали на занятиях по психиатрии. «С больными ни в коем случае нельзя спорить, переубеждать их! Главное – установить контакт! Вот-вот! Значит, нужно притвориться Лизой, сестрой, умершей семьдесят лет назад?! Жесть!»

Старуха что-то бормотала, заламывала руки, умоляла войти.

– Этот человек со мной! И ведите себя хорошо! – Татьяна погрозила пальцем, потянула Федора за рукав, смахнула с его головы очистки и смело шагнула в темный подъезд. Короткая грязная лесенка, бесформенный хлам в дальнем углу, две двери: слева – ободранная деревянная, справа – железная, обитая черным дерматином.

Убогая дверь скрипнула, выпуская трех собачонок: двух гладкошерстных рыжиков и белую кудлатую моську с легкой

примесью болонки. Вся компания кинулась обнюхивать гостей, рыча и повизгивая. Маленькая тесная прихожая. Запах кошек, псины, кислой капусты и немытого тела буквально сбивал с ног.

Таня на мгновение зажмурилась, поднесла к носу руку и, защищаясь от вони, прошла вперед, стараясь почувствовать себя сильной, взрослой, умной... Как настоящий врач. Здесь нужен именно врач, способный помочь, одолеть болезнь. Предчувствие первого самостоятельного медицинского опыта окрыляло, придавало сил. Профессию она выбрала, чтобы быть как отец, заботиться о слабых. Но четыре года института – слишком мало, чтобы что-то реально уметь.

Перед ней предстала старушка с косичками первоклашки, в коричневом школьном платье далеких времен; на груди висел ключ на замызганной резинке. Она смотрела на девушку снизу вверх, как на старшую, взрослую сестру, заменившую мать. Таня судорожно сглотнула, откашлялась и начала, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Где можно присесть?

– Ах, как же это я?! Не предложила! – Хозяйка заметалась; сунулась было на кухню, но тут же отпрянула, замотав головой. – Ты всегда такая чистюля, а я... ну просто «Федорино горе»! Помнишь, ты мне эту книжку читала?

Татьяна заглянула в открытую дверь: забрызганные грязью, некогда зеленые крашенные стены, местами протертый до дыр линолеум; по углам миски с какой-то бурдой, в ржа-

вом, замызганном ведре полно мусора; рядом древняя мойка и газовая плита; из мебели только ободранный стол и табуретка; даже холодильника нет. Действительно, прямо картинка к сказке Чуковского! Будто все вещи, которые могли бегать, давно удрали.

Девушка интуитивно попятилась; нога коснулась чего-то мягкого и пушистого. Дымчато-серая кошка метнулась в сторону, а затем протиснулась в огромную щель под ободранной дверью. Старуха виновато зашептала:

– Это наша с малышами комната, не смотри! А в твоей всё прибрано, как ты любишь! И заперто, чтобы не нашкодничали! – Нашупала на груди ключ и протянула с гордостью. – Вот! Сейчас отопру!

Скрюченные пальцы с трудом нашарили скважину, щелкнул замок. Взору предстала комната из прошлого, как в квартире-музее. Всё аккуратно, даже пыль не лежит, но по-спартански строго и неприютно. Железная кровать под выцветшим стеганым покрывалом, ковер с оленем на стене. Рассохшееся пианино, издававшее пронзительный стон при каждом шаге по вздувшемуся паркету. Выгоревшая фотография девушки с длинной светлой косой, в белом платье; лица почти не разобрать, а фигура и стать – как у Татьяны. На старом, обшарпанном столе стадо грубых сработанных деревянных оленей.

– Серафима Васильевна, эти вещи оттуда? Из Крыма?

– Что ты, Лиза! Не называй меня так! Я – Сима, твоя сест-

ренка младшая! – Старушка всхлипнула, утерла слезу, взяла со стола деревянную фигурку. – Олешек – это я вырезала, времени много было, пока тебя ждала. Пианино, кровать и стол – здешние, просто точно такие же, как те, что стояли в нашем домике на Хлебной улице. Он был красивый, уютный, беленький, с шелковицей во дворе! Ты так хозяйничала, хлопотала, даже пятна от ягод отмывала с бетона. – Ее взгляд затуманился, стал отсутствующим, и она замолчала.

Таня взяла в руки самую большую фигурку оленя с колючими рогами, повертела, чтобы лучше рассмотреть. Старуха заметила это, оживилась, затараторила:

– Такой же в нашем городском саду стоял, весь белый, и лавочка рядом, ты всё сидеть на ней любила! Когда гуляла... Ты много ходила всё, на лиман, к морю да на старое, заброшенное кладбище... Лиза, помнишь? Считала, что одна идешь, а я следом бежала. – Серафима не то хихикнула, не то всхлипнула. – Одна остаться боялась... Так и вышло... И потом всё бродила, искала тебя, учебу забросила. И вначале-то толку от меня мало было, а потом и вовсе голова дырявая стала...

Татьяна вспомнила, что она врач; симптом болезни нужно хватать за хвост и тянуть на поверхность.

– А когда голова дырявая стала? – ляпнула она и смутилась.

– Когда, когда? Как ты пропала! В Евпатории еще жили, дядька Вадим – муж твой – всё расспрашивал о каком-то

письме, а я стою – дура дурой! Не знаю ничего... – Виновато улыбнулась; ясный детский взгляд мелькнул в старческих выцветших глазах.

Девушка смутилась. Не так психиатр вел опрос! У него всё гладко и складно получалось, он спрашивал с начала. Ну конечно! Ее осенило.

– Ну, так уж ничего не знаете? А зовут вас... – И... поймала на себе обиженный взгляд. – То есть... тебя как зовут?

– Сима Петрова!

– А по отчеству?

– Васильевна... Папка наш Василий Григорьевич учителем был, как и ты, и пропал тоже без вести... в сорок первом. Пальцы у него, помню, всегда в чернилах, гладит мою голову, а я боюсь – запачкает, волосенки-то светлые, как у тебя.

– А лет тебе сколько?

– Помню, мне тринадцать, а тебе двадцать два.... А сколько потом прошло – не знаю! Сперва много кажется, а потом думаю – совсем ерунда. Как вчера было... Только знакомых никого не осталось, и город чужой, без моря. Машины, машины мельтешат. – Старуха задумалась, взгляд затуманился. – Вадим всё расспрашивал о тебе, не оставляла ли записки какой... Все вещи перепотрошил, даже пианино... по щечкам разломал и в печку бросил. Я всю ночь проплакала. Ведь ты так славно играла...

В комнату пробралась рыжая дворняжка, поскребла когтями пол, две паркетины полетели в стороны.

– Вот и он всё рыл-рыл, будто так можно тебя найти! Лишь себя потерял. Пришли за ним! – страшным шепотом закончила старуха. – И за мной тоже, тот дядька Николай. Вроде заботился, продукты носил, вещички какие надо, а сам всё следил, хвостом за мной на лиман ходил, сядет поодаль, будто не вижу его. Потом сюда переехал и меня прихватил. Навещал сначала раз в месяц, потом всё реже и реже, а под конец и вовсе перестал. Рыжего вместо себя прислал. Только не нужен он: тот был ирод, а этот вообще!

Федор обиженно подал голос:

– Продукты ношу, за квартиру плачу! Она ж как дите малое!

«Да уж, малое, это точно! И ты не сильно старше! Что же там была за история? Сестру убили... Это по-любому! Кто? Зачем? Непонятно! Да и не важно... Все участники давно там! Только старушка-девочка здесь задержалась, сестру всё ждала... и дождалась. Той было двадцать два, и мне столько же, семьдесят лет плюс-минус...»

– Ты же не уйдешь? Правда?! – Старуха умоляюще-вопросительно заглянула в глаза, и Таня смутилась.

«Бросить ее теперь – предательство. Отец бы не одобрил, сказал бы: «Есть возможность помочь – помоги! Никогда не пожалеешь!» По-детски испуганно возразила: «Уж очень здесь страшно и грязно!» Сама же себе ответила: «Приберись, наведи порядок, и будет здорово!»

Чтобы как-то успокоиться, Татьяна вытащила из сумки

любимую шоколадку и стала жевать. Она всегда носила с собой сладость для поднятия настроения.

– А мне кусочек? – сбила с мысли старушка.

– Точно! Бери! – Отломила кусочек, вложила в сухонькую, морщинистую руку.

Взглянула на Серафиму другими глазами: «Шоколад жру, а ребенку не даю! Позор!»

И поняла, что останется. Просто останется – и всё, без оговорок: на день, на два. «Ничего, немного побуду Лизой – старшей сестрой! А она вновь станет Симой, Симочкой – деткой маленькой!»

Кругом было мерзко, темно и отталкивающе, но... она сильная, она справится, обязательно!

Татьяна крикнула, чтобы все слышали:

– Я остаюсь!

Глава 3

Куда он идет?

К следующим выходным Татьяна совсем обжилась. «Лизина» комната с появлением новых вещей преобразилась, перестала казаться музеем или лавкой старьевщика. Кусочком прошлого в настоящем были лишь две фотографии давно умерших людей на рассохшемся пианино: Лизы Златовой и Таниного отца. Здесь не нужно было стыдливо прятать портрет в комод, чтобы не пугать будущего отчима. Здесь вообще всё можно было делать по-своему. Хозяйничать, расставлять вещи и быть уверенной, что найдешь их там, где

оставила. Никакого цунами в лице братишек! Только «младшая сестренка» восьмидесяти пяти лет. Милая, трогательная девчонка, превращенная в старушку. Что же с ней делать? Не навсегда же оставаться Лизой! Нужно сходить к психиатрам, пусть разберутся. Вдруг еще можно помочь?

Убедившись, что учебники и ноутбук среди деревянных зверей – это вполне себе мило, Таня переместилась на кухню и принялась с остервенением тереть заросшее грязью окно. Звенели стекла, сыпалась облупившаяся краска. В залитом солнцем дворе прыгали и крутились два рыжика, один в черном, другой в коричневом ошейнике, чтобы проще было их различать. Серафима тихонько сидела в уголке и теребила ветхого плюшевого медведя. Пустой взгляд был устремлен в никуда, в прошлое. Тогда вот так же сидела с мишкой, а сестра мыла посуду в тазике, поставленном на табуретку. Такая чистюля, всё у нее беленькое! И фартучек, и косынка! И домик в знойном вечернем свете! Крохотный забетонированный дворик аккуратно выметен: ни сухих листьев, ни ягод! Сима виновато смотрит на измазанные фиолетовым соком пальцы; ведь шелковица такая вкусная! И ее много, только руку протяни! Лиза ругается: «Замарашка!»

Заходит бородатый старик сосед; ухмыляется, глядя на сестру:

– Экая ты, право! Немецкая аккуратность!

...Как посмел он обидеть сестру! Немцы злые, плохие! Убили маму, бабушку, всю деревню! Лиза с Симой в горы

ушли за грибами и застряли из-за ее, Симкиной, нерасторопности. А пришли... Вместо деревни одни угли, дым черный и никого живого... Только фашист, высокий, серый, страшный, лицо каменное, как у колдуна... Билась, давясь собственным криком, кусала зажавшую рот руку сестры; но та крепко держала, в землю вдавила, не выпустила.

Как и сейчас. Когда с визгом вцепилась в лохматую бороду соседа. Голос сестры звучал ровно и сильно:

– Успокойтесь! Она убогонькая, с сорок третьего, как наших всех расстреляли... С ней горячка случилась, так толком и не пришла в себя!

Лиза потащила сестренку в дом, громко шепча на ходу:

– Степаныч свой, ты чего кидаешься, как дикая? Успокойся, посиди! Всё хорошо! Не выходи пока, ясно? – В голосе ее звучала строгость.

Сима забилась в угол, съежилась, прижала к себе маленького плюшевого мишку. Лиза бросила на нее долгий взгляд, тихонько прикрыла дверь и вышла из комнаты. «Бедная дурочка! Всё с этим мишкой, что мама подарила. И как сообщила взять его тогда в лес?»

Молодая женщина нахмурилась, вспомнив недоброе, прижалась к дверному косяку, будто ища поддержки, сняла с головы платок, отерла лоб. Они не должны были выжить – в горах, на выжженной земле, где каждый куст простреливался фашистами, где рыскали охотники на людей! Какие шансы у двух девчонок?! Ноль? Нет – минус единица! Все законы

жизни, физики и здравого смысла подписали им смертный приговор. Но случилось чудо, и оно ощущается до сих пор каждой клеточкой сильного, молодого, живого тела. Счастье и ужас, переплетаясь, до сих пор заставляют дрожать, как там, на склизкой осенней земле у пригорка, под горелой сосной. Подмяла под себя Симку, уткнулась носом в пожелтевшую, колючую траву, подставила спину холоду и смерти. Вот сейчас послышится лающая речь – и грянет выстрел... Но вместо этого – бодрый шепот, улыбка, твердая теплая рука. Свой, родной, русский! Наш партизан, чудом вышедший из леса. Чудо, настоящее чудо, как в сказке! Когда всё потеряно, и вот... Вадим! Ее Вадим! Спаситель! Нянчился, ухаживал, кормил, лечил заболевшую горячкой Симу долго-долго, пока добирались до наших. Пещера темная, холодная и сырая, как могила. Всё время капает вода, особенно гулко и страшно по ночам, и нельзя не прижаться к большому и сильному.

Любовь захлестнула, как морская волна, подхватила и закружила в бешеном водовороте. Счастлива, бесстыдно счастлива среди мрака и смерти! Прости меня, мама, прости! Я позабочусь о сестренке, я буду хорошей, только бы он не ушел!!! Страстность молитвы... Кому? Ведь учили, что бога нет. Но Лиза чувствовала, что ее ведет высшая сила, через лабиринт жизни, неизвестно куда. Нужно только довериться и не мешать промыслу свыше. Холодное ноябрьское солнце слепило, лучи уносили молитву в небо, и всё сбылось.

Поженились вскоре после освобождения Крыма. Едва от-

праздновали победу, как поселились здесь, на Хлебной улице. Она с радостью хозяйничала в маленьком домике на отшибе. Всё до нереальности хорошо! Муж – майор МВД, любит, заботится; Симку как родную принял. Жаль, нет детей, видно, застудилась тогда, осенью сорок третьего. Конечно, может еще получиться, ведь двадцать два ей, не так уж много.

Она тут же кинулась к зеркалу, повертелась. Осталась довольна, но тревога не ушла: слишком уж всё хорошо, не бывает так. В жизни должна быть какая-то гадость, пусть мелкая. Главное – разглядеть ее вовремя, пока не выросла. Может, Вадим на другую смотрит? Даже подумать страшно, кругом столько одиноких баб, уведут – не поперхнутся. Мужиков вообще мало, а второго такого во всём свете не сыщешь!

Лиза вытерла руки о передник, заспешила на кухню испечь к вечеру рыбный пирог; тесто уже подходило. Опустила пальцы в клейкое месиво и задумалась. Готовить она любила, к каждому рецепту подходила с творческим азартом, экспериментировала, привносила что-то свое. Вадим был в восторге, но всё-таки... Когда-то мечтала совсем о другом: математика, логика цифр, как музыка... Самые заковыристые задачки шелкала как семечки, лучшая в классе, в школе, да и в самом городе. Отец восхищался: «Софья Ковалевская! Профессором станешь! Знаменитостью!»

В раздражении стукнула скалкой по столу, посыпалась му-

ка. «Вот уж действительно, профессор кислых щей, специалист по сковородкам!»

Слишком тонкое тесто рвалось и прилипало к столу, мысли уносились всё дальше. Даже школу толком не кончила, вечная десятиклассница! Война, оккупация, замужество – где тут учиться?! Вадим не одобрит, нет! Ему хозяйка нужна! А с какой радостью учила детей тогда, при немцах, тайком, при свечке, каждый раз ожидая, что схватят! Надеялась, в общем деле будет и ее маленький вклад, но напрасно...

Стало зябко, мурашки скользнули по спине, несмотря на жар от горячей печи. Ведь учеников тех давно нет в живых, всех, кроме Симки, да и у той с головой неладно. И зачем только мать надумала бежать в деревню к сестре, будто там безопаснее. Вот уж не угадаешь... Всхлипнула, вспомнив маму; как ей не хватает сейчас поддержки, совета, сочувствия... Мужу всего не доверишь, ведь и он почти не говорит о себе. Ясное дело – секретность, но это всё-таки отдаляет.

Лиза старалась с лишними вопросами не приставать, не надоедать, не раздражать. Они ни разу не поссорились за всю совместную жизнь. Можно гордиться, но просачивалась тревога из темных одиноких ночей, которых становилось всё больше...

Молодая женщина так задумалась, что не услышала шагов, скрипа открываемой двери, запаха начавшего пригорать пирога. Она громко вскрикнула, когда тяжелая рука опусти-

лась ей на плечо.

– Милая, что с тобой? Заболела? Сиди, я сам!

Очень ловко открыл печку, вытащил дымящийся противень.

– Смотри, как я вовремя! Чудо удалось спасти! – Он подул на обожженные пальцы. – Садись обедать, угощаю!

Жестом фокусника вытащил из кожаного портфеля бутылку красного вина. Лиза счастливо улыбнулась: «Раз заботится, значит любит!»

– Отпразднуем, одно очень важное дело закончил! – Бордовая жидкость забулькала в граненых стаканах.

Она сидела грустная, не в силах до конца стряхнуть воспоминания, подавилась приятным терпким вином, закашлялась. Он похлопал ее по спине, положил руку на плечо и заглянул в глаза, ожидая объяснений. Лиза всегда таяла под этим взглядом.

– Симка снова чудила сегодня, на соседа бросилась. Ума не приложу, как ей помочь.

– Время лечит! Вот увидишь, всё образуется. Она, по-ди, спит давно, а ты переживаешь. Пойдем посмотрим, убедись! – Вадим легко, пружинисто вскочил, потянул жену за руку, увлекая в комнату. Только сейчас Лиза заметила, что стемнело: ночь на юге быстрая, властная. Осторожно, чтобы не скрипеть, приоткрыла дверь, заглянула внутрь.

Сима спала не раздевшись на своей маленькой кровати поверх одеяла, слегка улыбаясь сидящему на подушке миш-

ке. За окном бледная луна всё четче проступала на темно-фиолетовом небе. Старшая сестра окончательно успокоилась, задержала занавеску и вышла из комнаты.

Муж обнял, прижал к себе.

– Вот видишь, глупенькая, всё хорошо! Ты даже не представляешь, какой сегодня день! – Вадим подхватил жену на руки и понес в спальню; а она весело рассмеялась, пытаясь толкнуть дверь ногой.

Елизавета проснулась глубокой ночью, оттого что нечаянно звякнула пряжка на ремне: муж стоял совсем одетый. Он опять куда-то уходил и старался ее не будить. Давно пора привыкнуть к ночным отлучкам, всё-таки человек работает в органах, но она не могла – ревновала. Тревоги и подозрения нахлынули с новой силой. Но внезапно пришла решимость всё выяснить раз и навсегда. Всего-то нужно прокрасться следом, проследить, куда он ходит. Лиза старательно засопела, чтобы не подать виду, что проснулась.

Вадим тихонько прикрыл дверь, в коридоре скрипнула половица, лязгнул железный засов. Женщина вскочила с кровати, на цыпочках подбежала к окну, боязливо выглянула из-за шторы. Муж в сером плаще с капюшоном при свете луны показался шпионом из кинофильма. От этой мысли стало легко и весело, будто предстоящее приключение – лишь игра. Она торопливо выбежала из комнаты. Нужно спешить, а то скроется в темноте. Хорошо, что задвижка на калитке заедает, это его задержит на несколько секунд. Лиза опроче-

тью кинулась в прихожую, быстро сунула ноги в туфли, накинула пальто поверх ночной рубашки. Тихонько прикрыла дверь, быстро пересекла дворик; задыхаясь от волнения, выглянула за калитку. В конце улицы за угол скользнула чья-то тень.

Лизавета на чём свет стоит кляла каблуки, несколько раз громко стукнувшие о камни. Неловко запрыгала на цыпочках, касаясь плечом холодных каменных стен. «Нет, ни за что не догнать его! И зачем только чёрт меня дернул!» Хотела уже вернуться назад, как за забором гулко залаяла собака. Она в ужасе метнулась к дереву и прижалась к шершавой коре.

Мужчина, идущий впереди, замедлил шаг и оглянулся, прислушиваясь; их разделяло метров пятьдесят. Сердце замерло: «Вот сейчас заметит, поймает и... какой позор! Он же чекист, разведчик, вмиг расшифрует!»

Вадим медленно, крадучись, как хищник на охоте, двинулся назад.

Казалось, он видит ее сквозь толстый ствол, сквозь черную тень забора. Сердце гулко стучало, во рту пересохло, но всё равно она решилась, отпустила дерево и метнулась вперед, прижимаясь к стене. Уверенные, неторопливые шаги гулко звучали впереди; расстояние между ними постепенно сокращалось. Вдруг из-за дома с кривой, горбатой крышей появился мужичок с бородой, чудно, по-птичьи свистнул, махнул рукой и, прихрамывая, заковылял вверх по ули-

це. Вадим постоял мгновение и двинулся следом, мурлыча под нос веселую песенку.

Лиза вытерла пот со лба. «Неужто это и есть встреча?! И никаких баб, только работа!» Не сдержала вздох облегчения, радостно улыбнулась. Тут бы вернуться назад и спокойненько лечь в постель, но азарт, возбужденный охотой, властно тянул вперед. Не осознавая до конца, что делает, она скинула туфли и побежала следом, прячась за каждым выступом.

Мужчины дошли до конца улицы и свернули в сторону кладбищ: первого, действующего и второго, заброшенного Караимского. Вспомнилось детство, страшные истории, прогулки среди массивных надгробий конца прошлого века. В одиннадцать лет она пробралась сюда ночью и оставила записку под большим памятником с полустершейся надписью «Шайтан». Чего только ребята не болтали, дескать, там зарыт бес, который выходит в полночь из земли и всех хватает! Как же она хохотала над ними, до слёз! И вызвалась доказать, что она – настоящая пионерка и не боится глупых бабьих сказок про привидения. Девчонки пугливо жались друг к другу, мальчишки шутили и петушились, но тоже не двигались с места, лишь она, Лизка, – отличница, директорская дочка – смело шагала вперед без тени страха в душе; глаза были устремлены к небу, к очертанию звездного ковша. Всего лишь ковш, кастрюлька для манной каши, а никакая не медведица! Всё это фантазии древних, как и всякие призраки, вылезающие из могил. Гремящие гнилые кости – ка-

кая глупость! Если существует душа, то уходит далеко-далеко в бескрайний простор Вселенной. Девочка мысленно рвалась ввысь, в бесконечность; шла, высоко подняв голову. В результате – не заметила большой каменный обломок и упала на разломанное надгробие, на котором в свете луны проступала старинная надпись со множеством лишних букв. Вскочила, ожидая услышать смех, но тишину пробивало лишь стрекотание кузнечика. Люди остались далеко позади: она была одна, спокойная и торжествующая! Записка со словами «Я ничего не боюсь!» была положена в баночку и присыпана песком у старинного надгробия. А «Шайтан» – всего лишь фамилия буржуа конца прошлого века.

Взрослая Лиза попыталась вспомнить то чувство победы, но тщетно. Действующее кладбище кричало о войне и реальной смерти, а заброшенное – о бренности всего земного.

Сейчас главное – не упустить из виду тех двоих. Среди ухоженных могил еще можно было прятаться, но разбитые камни караимских надгробий не давали шансов остаться незамеченной.

Она притаилась среди длинных ветвей с мелкими жесткими ягодами; идти вперед было слишком опасно.

Тишину прорезали трели кузнечика, отдаленный шум шагов, звяканье железа в мешке хромого мужика, который вдруг начал метаться, суетиться, будто что-то искал. Круглая луна хорошо освещала землю. Было видно, как Вадим остановился, положил руку на довольно большой надгроб-

ный камень. Хромой принялся развязывать мешок, вынул металлический прут и несколько раз воткнул в землю на всю длину. Лиза опешила от удивления, но потом сообразила: «Здесь, верно, что-то зарыто, и он доказывает, что не ошибся местом». Промелькнули мысли о пиратских кладках, о собственной баночке с запиской, спрятанной поблизости в далеком тридцать шестом.

Сделалось жутко. Какое-нибудь секретное задание, а она лезет не в свое дело! Бежать отсюда, вернуться домой! Но где уж там! Поздно! Тайна притягивала, дразнила, тащила вперед. Постаралась запомнить место, чтобы вернуться сюда днем и как следует рассмотреть.

Мужчины двинулись в сторону лимана; Лиза тенью следовала за ними, прячась в высокой высохшей траве. Будет ужасно стыдно, если ее застанут здесь – босую, грязную, шпионящую за мужем! От одной мысли бросало в жар, хотя от земли тянуло смертельным холодом.

Путь казался мучительно долгим, пыл начал ослабевать, не терпелось передохнуть. Кое-как добралась до единственного дерева, села, прижимаясь к колючей коре. Метрах в пятидесяти виднелся заросший камышом берег; двое мужчин шли прямо к воде. Вадим впереди, а хромой чуть сзади: казалось, они опять что-то ищут. Неужели еще один клад? От чувства нереальности кружилась голова. Крепко прижала пальцы к виску, чтобы прийти в себя. На мгновение отвлеклась и толком не разглядела того, что случилось.

Вадим замешкался, пропуская спутника вперед, взмахнул рукой, послышался хриплый сдавленный крик, и хромой мужичонка исчез, будто не было его никогда...

Лиза оцепенела. Неужели? Нет, не мог муж так просто и хладнокровно убить человека! Ей померещилось... Она даже ущипнула себя за ухо, чтобы убедиться, что не спит. Не помогло. Действие развивалось своим чередом. Черный человек на фоне темного неба деловито наклонился и принялся что-то собирать и складывать в мешок. Догадалась: камни. Потом затянул завязки, примотал куда-то, наклонился и поволок по земле нечто тяжелое, затем раздвинул камыши, заходя в лиман, и направился подальше от берега.

Промелькнула мысль: «Ищет, где поглубже, но вряд ли получится! Соленое озеро мелкое, от силы метр с небольшим. Трудно спрятать труп, обязательно найдут». Тут опомнилась, попятилась и поползла, хотя ей хотелось вскочить и броситься домой во весь дух.

Но нельзя! Тогда будет два трупа, а тайна останется неразгаданной. Внутренний голос пискнул: «Он же любит тебя и не посмеет!» Разум вопил: «Еще как посмеет! Свидетели не нужны!» Неужто Вадим – преступник?! Может, это просто секретное задание и он обезвредил врага?! Выяснить бы, всё выяснить! Мысли проносились одна за другой, сердце оглушительно билось, мурашки бежали по спине, озябшие пальцы цеплялись за траву.

Что делать? Что делать? Впереди разбитые надгробные

камни; почти убежище, почти спасение! Добравшись ползком до большой поваленной плиты, она приподнялась и оглянулась: никого. Затаив дыхание, прислушалась: стреко-чут кузнечики, заливаются птицы. Верно, скоро рассвет. Где же Вадим? Следит за ней, крадучись сзади? Или спешит до-мой? Ужаснули оба варианта. Не помня себя от страха, Ли-за вскочила на ноги и кинулась в сторону города; главное – скорее миновать кладбище, а там до Хлебной улицы рукой подать. Только бы успеть раньше него!

Она мчалась, ничего не замечая вокруг, спотыкалась, па-дала и поднималась вновь. Опомнилась только у родной ка-литки; заметила, что босая, но искать туфли было уже позд-но. Прощмыгнула во двор, с тревогой вгляделась в темные окна. Не мелькнет ли тень, не дрогнет ли занавеска? Вро-де всё спокойно. Вскочила на крыльцо, оглушительно скрип-нули деревянные ступеньки. Дрожа всем телом, толкнула дверь, проскользнула в дом, рука потянулась, чтобы задви-нуть засов, и застыла. Нельзя! Он, уходя, дверь не запирает. В изнеможении облокотилась на косяк, опустила веки, вслу-шиваясь в тишину. Тикают ходики на кухне, всхрапывает спящий ребенок, капает вода... Нужно починить ручной-ник, забыла она сказать Вадиму. Тогда вылетело из головы, а теперь поздно! Вздогнула, вспомнив о муже. Глянула на грязные, исцарапанные руки и ноги, разбитые колени. Ис-порченное пальто быстро сунула подальше в шкаф. Не зажи-гая лампы, прошла на кухню, принялась отмываться в ста-

ром оцинкованном тазике. Во дворе звякнул засов калитки, мыло выскользнуло и укатилось далеко под шкаф. Наспех вытерлась, выплеснула воду в большой горшок с цветком – и бегом в спальню. Услышала скрип ступеньки и бросилась на кровать, забралась под одеяло с головой. Как в детстве, когда играла в прятки.

Тихие шаги мужа, звяканье рукомойника, скрип стула. Видимо, тоже приводит себя в порядок. «Значит, меня не заметил. Пронесло».

Но облегчения не было. Зубы отбивали дробь, к горлу подкатывала тошнота. Отчаянно хотелось вернуться во вчера. Будь проклята глупая затея! Зачем бежала? Зачем следила? Как теперь жить?!

Длинно скрипнула дверь, пискнули половицы, качнулась кровать. Он здесь, совсем рядом, касается спиной. Раньше от его близости становилось спокойнее. Теперь Лиза сжалась от страха, но постаралась дышать ровно, притворяясь спящей. Может, рассказать всё, признаться? И станет легче? Нет уж, нет. Шпионила за ним, за офицером МВД, глупая, ревнивая баба?! Рассекретила задание, провалила, выставила на посмешище! И это в лучшем случае! Нет, такого не прощают. А если всё же дело нечисто? Даже подумать страшно! Но предъявить нечего. Убийство хромого дядьки? А где доказательства? Может, почудилось с перепугу? Ведь трупа толком не видела. Значит, всё ерунда, истерика! А клад? Или что там в земле зарыто? Нужно пойти, найти, убедиться. Ли-

за любила всё обдумать, взвесить, просчитать. Не зря математика – ее стихия. Вот и сейчас, расписывая алгоритм действий, она постепенно успокаивалась. Даже решилась повернуться и сесть, облокотившись на подушки.

Вадим крепко спал после тяжелой ночи, уверенный в себе, сильный, как всегда. На губах играла легкая улыбка праведника. В изумлении поднесла руку ко рту, чтобы не вскрикнуть. После всего, что случилось, как можно спать так спокойно?! Или для него не впервой убивать? Да, на войне – конечно, но там фашисты. А здесь кто? Тоже враги, кругом враги. От таких мыслей разболелась голова. Главное не это! Другое! Что на нее, свою простушку-женушку, никогда не подумает! Влюбленная, как кошка, занятая лишь тем, чтобы ему угодить. Гусыня, курица с двумя извилинами в башке! Так все считают, но это только маска! А она умница, гордость отца! Остальное – слабость, трусость! Мамины наставления: «Умище-то не выпячивай, дуреха! Мужики все разбегутся! Кто бабу выше себя возьмет? И вообще спокойнее жить будешь! С дуры какой спрос?

Нужно всё выяснить, а потом действовать. Тщательно завернулась в одеяло, чтобы ненароком не вылезла расцарапанная коленка или разбитая в кровь ступня. Зарылась щекой в мягкость подушки и не заметила, как уснула.

...Яркое утреннее солнце било в глаза. Лиза, проснувшись, дернулась, ощутила, что замотана в кокон, и сразу вспомнила всё. Со стоном приподнялась, огляделась. На ча-

сах – восемь двадцать. Вадим давно ушел на службу. Решил не будить, пожалел: видно, сладко спала. Да, хороший муж! Заботливый, нежный! Впервые подумала об этом со злым сожалением. И чего ей не хватало?

Девушка опасливо вылезла из-под одеяла; впервые, как следует, разглядела ободранные ноги, грязную порванную ночную рубашку и потянулась к комоду за чулками. Конечно, июль в Крыму жаркий, и будет неудобно, но ничего умнее в голову не приходило.

Дверь хлопнула, как гром, как близкий взрыв. Лиза дернулась, вскрикнула, задела локтем часы. Они со звоном и дребезжанием покатались по полу.

– Ты чего? Это же я! – Заспанная Симка во все глаза смотрела на сестру.

– Ты! Ты! Какое счастье! – Лиза бухнулась на колени, крепко обняла девочку, прижала к себе, будто хотела спрятаться за ее хрупкой, узенькой спиной.

Отстранилась, пристально вглядываясь в худенькое личико. «Какая маленькая, жалкая, на вид больше восьми лет не дашь! А ей уже двенадцать стукнуло». Неожиданно пробила нежность до слез; она обняла сестренку, чувствуя, что ближе человека у нее нет и никогда не будет. Ну и что, что дурочка? Зато милая, добрая! Не умничает и не ищет приключений!

Подумав о плохом, выпрямилась, погрустнела.

– Лиза, Лиза! Что с тобой? Ты от кого-то убегала во сне? От фашистов? Скажи правду! – В детских глазах застыл

ужас.

Старшая сестра смутилась: уж слишком близко оказался ребенок к разгадке. Так и муж вмиг раскусит. И, до конца не сознавая, что делает, кинулась увещевать Симу:

– Да-да, ты угадала! Но мне удалось спастись! Только, если ты кому-нибудь скажешь, они вернутся и заберут меня навсегда! Слышишь, ни слова! Особенно дяде Вадиму! Поняла? – Вцепилась в хрупкие плечики, встряхнула. – Ты всё поняла?

– Ага! Положись на меня! – Сестренка кивнула серьезно, уверенно. – А можно тебе помочь?

– Да-да, конечно, но только потом! Сейчас главное – молчать!

Лиза проворно натянула чулки, намазала кремом руки, причесалась. Вроде всё как обычно, хотя взгляд затравленный и синева под глазами. Теперь главное – убрать улики. Повела Симку завтракать, намазала хлеб маслом, налила чаю:

– Вот, кушай!

Сестренка усадила рядом с собой мишку, стала медленно размешивать сахар ложечкой:

– А ты?

– Я сейчас, через минутку, только стирку поставлю! – Лиза опрометью бросилась в кладовку, где в чане было замочено белье, быстро сунула туда рубашку. «Теперь – как быть с плащом?»

Когда яркий утренний свет скользнул по некогда сиреневому нарядному плащу, его хозяйка огорченно охнула. С любимой вещью можно было прощаться. Конечно, после стирки и штопки станет лучше, но это уже не то! И откуда у нее дурацкая манера носить всё самое лучшее? Будто последний день живет!

Лиза намочила рукава и принялась с остервенением оттирать. На душе стало еще муторнее. И зачем только ночью напялила лучшую вещь?! А туфли с вышивкой, сделанные на заказ?! Ни у кого таких нет!

Как ошпаренная, прямо в тапках она выбежала на улицу. Кривая брусчатка, серые стены, разномастные, прижавшиеся друг к другу домики, при свете дня такие уютные и родные.

Вот и старый, раненный осколком снаряда дуб, к которому в страхе прижималась ночью. Под ним сухие листья, желуди, огрызок яблока. Туфелек и в помине нет. «Конечно, такую красоту тут же сцапали! Тридцать седьмой размер почти каждой подойдет. Вот обрадовалась какая-нибудь баба, когда подарочек утром нашла. Это ж надо! Вадим заметит, спросит... Что сказать? Потеряла. Ну конечно! И почти правда... Но как? Допустим, несла в ремонт, зазевалась, выронила мешок... Ну или украли. В общем, растяпа! Ругать не будет, не мелочный! А у других мужики за копейку удавятся».

Лиза медленно брела к дому, ночное приключение всё

больше казалось сном; хотелось на всё закрыть глаза и жить как прежде.

Глава 4

Первый фрагмент головоломки

Татьяна залюбовалась своим отражением в чистейшем оконном стекле. Всё-таки она хорошенькая! А это немало, чтобы чувствовать себя уверенно. С тех пор как поселилась в Москве, будто жить начала по-настоящему. Ничего, что приходится пока оставаться Лизой. Главное – дело доброе, хорошее! А если кто вздумает осуждать – их проблемы!

Поймала себя на мысли, что нет для нее человека, чье мнение было бы реально значимо. Мать, начав новую жизнь, заметно отдалилась. А настоящих подружек, и тем более парня, нет ни в реале, ни в Сети. Чужие все, скучные! То ли дело Симка – своя, родная!

Таня высунулась в окно, позвала «ребенка», со звоном захлопнула рамы и побежала в прихожую встречать «сестренку» и неугомонных рыжиков, которые так и норовили испортить с трудом налаженный быт.

Когда старушка помыла руки, а собаки громко зачавкали над мисками, девушка налила куриный суп в тарелку, поставила перед Симой, вложила ложку в сухую, морщинистую руку. Серафима тут же выронила прибор, виновато закивала, принялась усаживать потрепанного плюшевого мишку рядом с тарелкой, да неудачно: игрушка плюхнулась мордочкой в горячий бульон.

Таня всплеснула руками; не давая старухе опомниться, подлетела к столу, схватила грязную игрушку и кинулась к раковине отмывать. Впервые разглядела это ветхое, облезлое чудо: потускневшие стеклышки глазок, серо-бурая засаленная шубка без намека на пушистость, внутри что-то жесткое, свалывшееся. Чувствовалось, что Сима ни разу не мыла любимца. Это же сколько заразы!

Возмутившись, девушка стащила с медведя жилетку, как следует налила на нее моющего средства и принялась тереть. Пена сделалась густо-черной, по пальцам потекли темные струйки. Это не только грязь, но и какая-то дрянная нестойкая краска. Кукольная одежда из черной стала голубовато-серой, и на ткани отчетливо проступил чертеж, сделанный устойчивым синим цветом. Таня бережно расправила тряпочку на столе и внимательно всмотрелась. Видны даже надписи: лес, лиман, кладбище, жирный крест, обведенный кружком.

Вот это да! Значит, и вправду Лиза что-то спрятала и умерла. Вернее, ее убили! Оставила послание в игрушке, ибо точно знала: сестренка мишку сбережет во что бы то ни стало! Сбережет, сколько бы ни прожила, до самого конца.

Девушка на миг ощутила тяжесть времени, превращавшую ветхую игрушку в полуистлевший труп. Но мрачным мыслям не место рядом с чудесной находкой. Сердце билось всё быстрее, глаза сверкали. Вот она, настоящая тайна, а может быть, и клад! Тут же одернула себя, взглянув, как будто

со стороны, на жалкую, мокрую кукольную одежонку, на которой стремительно расплывались синие каракули. Схватила смартфон и быстро сфотографировала то, что осталось. Да уж, негусто! Кому покажешь – засмеют! Тоже мне, ключ к загадке! Издевательство сплошное! Или это старуха – ключ? Не зря же ее опекает кто-то неизвестный! Ей вдруг сделалось холодно и жутко; вспомнилась нелепая история, рассказанная Федором, от которой она отмахнулась неделю назад. Внезапно появившийся родственник отца, которого не было. Ерунда сплошная! Или просто нашли добросовестного простачка, чтобы присматривал за душой. Дурачки и дурочки – пешки в чужой игре.

Таня возбужденно прошлась взад-вперед по кухне, пораженная масштабом чьего-то замысла. Взглянула на старуху, присела рядом. Серафима с детсадовской старательностью доела суп, положила ложку в тарелку и встала.

– Всё! Я возьму мишку, можно? Какой мокрый, несчастный! – Грязные струйки потекли по старческим, скрюченным пальцам. – Помнишь, ты велела его без тебя не купать, а то обидится? Вот мы и ждали всё это время.

Таня судорожно сглотнула.

– Мы – это кто?

– Я и Мишонок! Ты сама его так назвала, еще объясняла: мишка размером с мышку. – Старуха счастливо улыбнулась. – Перед тем как уйти, ты играла со мной, кукольные одежки шила, в парк водила. Там озеро и фигурки сказоч-

ные, огромная голова из земли торчит в шлеме и с бородой, страшная – жуть! Ты объясняла, что художник перед войной это создал, чтобы детей радовать. Какая уж тут радость – не пойму, Лиза?

– А еще... я что-нибудь говорила? Ну, может, просила о чём?

– Нет, только мишку беречь, не мыть и никому не давать! Это наш с тобой лучший друг!

– Потом, когда я ушла, брал его кто-нибудь? Может, дядя Вадим? Говори, Сима, я не обижусь! Как всё было?

Старуха виновато вздохнула, бережно положила игрушку на стол, помяла край передника.

– Как ты пропала, Вадим прямо взбесился, всё искал что-то! Вещи перерыл, книги по страничке перелистал, игрушки мои распотрошил и до Мишонка добрался. Я всегда его в руках держала, ни на минуту не расставалась... Вроде в нём частица тебя, раз беречь просила. А тут муж твой, он... ну, как сказать? Вроде тебя оплакивал, обо мне заботился, но противный, чужой – ужас! Жирафку ножницами погромсал, а его Лиза моя шила. Нет, думаю, не дам никого больше в обиду. Он сначала по-хорошему просил – я ни в какую! Потом будто сдался, и только я успокоилась – вырвал Мишонка и давай мять погаными лапами... Я как зареву, прыгнула, зубами в палец ему впилась, а руками игрушку к себе тяну. Вадим страшно выругался, толкнул меня, аж к двери отлетела, треснулась о косяк, ничего не почувствовала, только,

вижу, головка мишкина у меня осталась, тельце у него. Начинка по полу рассыпалась, кровяца у него из пальца хлещет, глаза бешеные. Еще раз встряхнул свой кусок игрушки, швырнул в угол и вышел вон, крикнув: «Дура, юродивая!»

Я Мишонка кое-как подшила и прятать стала, хотя Вадим больше на него не покушался. А шрам на пальце до конца остался, так я его тогда цапнула! – Старуха довольно усмехнулась, обнажив хорошие, ровные зубы.

Таня задумчиво покачала головой. Ай да Лиза! Всё продумала, всё просчитала!!! Даже мелочи! Кому оставлено послание? Или у нее был друг, приятель, любовник? Куда пошла в последний день? Наверняка догадывалась, что не вернется!

Девушка нетерпеливо обошла вокруг стола, поглядывая на мокрую грязную игрушку и хлопочущую над ней старуху. Потом та схватила мишку и ушла к себе.

Единственный свидетель! И память прекрасная на то, что было тогда, давным-давно! Всё до последней мелочи в ее голове хранится, как истлевшие вещи в закрытой пыльной комнате.

Таня села за стол и принялась жевать шоколадку, чтобы немного успокоиться. Это же надо, какой поворот! Как отец говорил: «Если правильной дорогой пойдешь, много интересного сыщешь! А не туда повернешь, вся жизнь мимо пролетит – и не заметишь! Интересно, лезть в это дело правильно или нет?

Внутренний голос кричал, что правильно! Лиза умерла из-за этого! Не напрасно же! Ничего, что столько лет прошло! Вдруг что-нибудь да сохранилось? Но с какой стороны подступиться? Как заставить Симу вспомнить?

Натыкаясь на табуретки, кинулась в комнату к ноутбуку искать совета в Сети.

Психологи, судя по статьям, могут многое, но дерут кучу денег, и гарантии никакой! Интересно, развлекательно, но не вариант! Остаются старые, кондовые психиатры! Серафима ведь на учете состояла, значит, карточка должна быть прямо с какого-то мохнатого года, а в ней... Сердце учащенно забилось в предчувствии удачи.

И не важно, есть там клад или нет! Главное – всё выяснить, Лизино дело довести до конца! А крестик на карте – всего лишь приманка, ну или оправдание. Главное – интересная жизнь, не в Сети, не в кино, а в самом что ни на есть реале! Настоящая, осязаемая, своя! Не каждодневная скука, не виртуальная заморочь, а...

Не успела додумать мысль до конца, как в комнату вошла Серафима, плюхнулась на кровать и разревелась:

– Мой Мишонок совсем испорчен! Мокрый, скукоженный! – пробивалось сквозь всхлипы. – Бедный! Несчастный!

– Положим на подоконник, посохнет на солнышке, будет как новенький!

Но старушка не унималась, и Таня никак не могла ее успокоить. Уж и по головке гладила, и уговаривала – всё без тол-

ку. Утомившись, встала, прошлась по скрипучему паркету; раздражения не было – лишь чувство бессилия и жалость. И тут ее осенило. Обратись к психиатру! Жалобы налицо, явно нужен врач. А там и про анамнез поспрашивать...

– Сима, завтра же к доктору пойдем! Слишком ты стала нервная, нельзя так! – У нее получилось властно, безоговорочно.

Бабуся тут же перестала плакать, лишь всхлипнула:

– Узнаю мою Лизу! Всё по врачам меня таскала; помню, один профессор с седой острой бородкой обещал, что поумнею. Ты радовалась, а он соврал. – Она вытерла покрасневшие глаза.

Танина рука привычно забегала по клавишам ноутбука. Районный ПНД № 9, улица Соколиная Гора. «Ага. Завтра, в понедельник, и отправимся».

Глава 5

Второй фрагмент головолмки

Утром Серафима надела праздничное желтое платье с оборочками и довольно повертелась перед зеркалом, заплетая свежевывмытые седые волосы в две тоненькие косички.

– Лизка, узнаёшь свой наряд? Тебе Вадим подарил на День Победы, достал где-то по случаю... А оно узко оказалось, да и цвет не к лицу. Как я подросла, так и носить стала... по праздникам. Здорово, правда?

– Просто класс! – Таня судорожно сглотнула. Это же надо, семьдесят лет тряпке! А оборки лишь слегка выцвели, и

платьице молодое, веселое, кокетливое, как та девчонка, которой оно предназначалось. Что от нее осталось?! Жесть!

Старуха схватила еще влажного мишку, сунула его в черный атласный мешок на завязках и выразила готовность идти. Вид сделался окончательно нелепым. Еще сфоткает кто и в Интернет выложит. Но Таня решила быть храброй и идти до конца.

– Сима, надень плащ! – Но ее крик потонул в громком лае. Бабка хлопнула дверью и бодро зашагала во двор; два рыжика прыгали вокруг нее.

Нет, только не это! Таня кинула планшет в сумку, на ходу пригладила волосы и бросилась ловить собак.

Когда звери наконец были заперты в квартире, подъезд огласил жуткий вой. Девушка замерла в тревоге, ожидая появления разгневанных соседей. Слава богу, никто сразу не выскочил: время рабочее, да и многие уже на дачах.

У пустой скамейки старушка в ярком платье обрывала листья с куста и складывала их в карман.

– Ты чего? Перестань сейчас же! Тебя та бабка заругает, которая всё сажает, ухаживает за растениями!

Из окна высунулась разъяренная тетка лет пятидесяти, готовая защищать присвоенный клочок земли, но, увидев сумасшедшую, лишь покачала головой.

Татьяна покраснела, бормоча извинения, схватила «сестренку» за руку и потащила за собой.

Только метров через сто девушка сообразила, что двига-

ется в своем обычном темпе, но... старушка отлично поспевала, не жалуясь ни на ноги, ни на одышку, лишь очумело оглядывалась по сторонам и крепко прижимала к груди черный мешок, как для школьной сменки.

У входа в метро «Щелковская» она остановилась как вкопанная.

– Под землю не полезу! Страшно, пещера, наших убили! Нет, нет!

Замотала головой – и ни с места.

Спешащие вниз люди натыкались на вставшую посреди прохода старуху; образовался затор, послышались смешки и чертыхания. Покрасневшая Таня отпрянула в сторону, крепко сжимая скрюченные костлявые пальцы. Она, конечно, слышала про клаустрофобию и опасалась, что Серафима что-нибудь отчебучит, но чтобы так сразу! Это уж слишком!

– Ты что ведешь себя как дикая?

– Лиза, ты и раньше так говорила! – Старушка виновато вздохнула. – Но не люблю я людей, страшные они, чужие! Мы с рыжиками только гуляем по дворам там, где потише!

– Да уж! – Руки привычно потянулись к смартфону. На метро – самый легкий путь, но был еще один – наземным транспортом. На автобусе до Первомайской, затем – на трамвае и почти два километра пешком... С сомнением оглядела престарелую спутницу и направилась к светофору.

До диспансера добирались долго, но без происшествий, даже странно, как в без малого восемьдесят пять лет можно

так долго и без усталости шагать. Ни одна нормальная бабка такого не выдержала бы, а эта идет, задрала голову, и улыбается.

Перед окошком регистратуры Тане сделалось тревожно и неловко. Вдруг нет никакой карты? Да еще и спрашивать начнут... Кто такая? Откуда? Зачем? Хорошо хоть паспорт и полис на месте. Петрова Серафима Васильевна, 28 августа 1934 года, место рождения – город Евпатория – и нынешняя прописка. Больше ничего интересного.

Когда подошла очередь, девушка просунула документы в окошко и смущенно затараторила, что привела бабушку на прием.

Толстая тетка в белом халате и с ниткой крупных розовых бусин на шее окинула цепким взглядом тощую фигурку в желтом платье с оборками и бросила раздраженно:

– Адрес, фамилия? Когда были последний раз?

– Петрова, 9-я Парковая, дом 9. Думаю, давно сюда не приходила.

– Карта хоть есть?

– Не знаю! Должна быть...

Тетка надолго отошла, потом вернулась с тощим желтым конвертиком в руках.

– Идите в восьмой кабинет, карту потом принесу. Доктор Литвинов Анатолий Вадимович.

У белой облезлой двери с надписью «Врач-психиатр» сидел на банкетке толстый неухоженный дядька с седой щетиной и отсутствующим взглядом.

– Вы последний к Литвинову?

– Угу.

– Мы будем за вами.

– Угу.

Таня хотела было сесть рядом с ним, но, ощутив запах давно не мытого тела, отшатнулась и ограничилась тем, что усадила «сестренку» на край лавки, а сама встала у окна.

Очередь подошла на удивление быстро. Они вошли в маленький, но светлый кабинет. Старый, заваленный папками стол, включенный компьютер. Крупный плечистый парень в белом халате что-то торопливо строчил в толстой растрепанной карте. Короткие волосы, острый нос, ямочка на подбородке – всё ничего, но взгляд высокомерный, отталкивающий.

– Анатолий Вадимович, здравствуйте!

– Добрый день, присаживайтесь! – бросил со вздохом и откинулся на спинку кресла, будто давая понять, что все ему смертельно надоели.

Девушка помялась немного, покраснела и выпалила:

– Бабушку привела, родственницу... Мне приглядывать за ней поручили, заботиться, а она всё с игрушкой возится и... – Таня с опаской глянула на Серафиму; а та уже устроилась в большом кресле, развязала мешок и вытащила игрушку. – И называет меня Лизой, так сестру ее пропавшую звали... Та ушла еще в сорок седьмом, а она всё ждала... Ужас просто! Не знаю, что делать, и спросить не у кого. Человек,

который за ней ухаживал, умер, а остальные не знают ничего.

В глазах Литвинова мелькнули интерес и злая ирония.

– То есть никакая она вам не бабушка, и знакомы вы всего ничего... Вам работу предложили, я правильно понял? – Взгляд доктора стал совсем насмешливым. – Может, завещание написали?

Таня возмутилась, взмахнула рукой.

– Нет, что вы! Что вы! Это бабка отчима. Он пожить у нее предложил, чтобы в институт ездить ближе и... – прошептала, покраснев еще сильнее, – чтобы им не мешать...

Анатолий вздохнул. «Клевая девка, фигура что надо! Жалко ее. Молоденькая совсем, тут бы отрываться по полной, а предки такую свинью подложили».

– Да не волнуйтесь! Проживание в обмен на уход – обычное дело. Сейчас попробую вам помочь! – Врач улыбнулся вполне приветливо; затем вытащил из конверта тонкую карту, полистал.

– Последнее посещение – в 1987 году. Вторая группа бессрочно. Так-так, сейчас посмотрю...

Лечилась стационарно, видимо, всего раз, по крайней мере, выписка всего одна, старая, выцветшая, от 1978 года, сделанная на пишущей машинке, с дырками вместо некоторых букв. Чтобы не разбирать рукописные каракули, начал быстро просматривать текст.

Шизофрения неврозоподобная, на органически неполноценной почве.

Анамнез: родилась в г. Евпатория в семье школьного учителя, вторым ребенком в семье. Отец погиб в самом начале войны. В июле 1941 года мать больной увезла двоих несовершеннолетних дочерей из города к родственникам в деревню, в Бахчисарайский район. В связи с оккупацией домой вернуться не смогли. В конце 1943 года многие жители деревни (в том числе мать больной) расстреляны карателями, деревня сожжена в рамках создания гитлеровцами «мертвой зоны». Девочкам чудом удалось спастись: ходили в горы за грибами. Под влиянием психотравмирующей ситуации и последующего перехода через горы в поисках своих наша пациентка перенесла длительную лихорадку, после чего стала заметно отставать в развитии, не справлялась со школьной программой, была тревожна, замкнута, ни с кем, кроме старшей сестры, не общалась.

Вскоре после освобождения Крыма старшая сестра вышла замуж и вернулась в Евпаторию, оформила опеку над сестрой. Обращалась за помощью к врачам, девочка принимала лечение, состояние улучшилось, стала спокойнее, начала посещать школу, с программой справлялась плохо. Была сильно привязана к старшей сестре, после смерти которой в 1947 году состояние резко ухудшилось, стала беспокойна, кричала, что «фашисты увели Лизу», плакала, не спала, везде искала сестру, бегала по городу. Особенно часто приходила на кладбище, где старшая сестра была убита любовником. Создавалось впечатление, что девочка что-то знает о проис-

шествии. Девочка еще больше замкнулась в себе, на вопросы не отвечала, на контакт не шла, вела себя неадекватно, была направлена в ПБ, где проходила лечение с декабря 1947 года по март 1948 года, выписана с улучшением.

Анатолий оторвался от чтения выписки, на минуту шевельнулся интерес ко всей этой дурацкой истории, коряво описанной казенным языком. Что правда, что бред? Пригляделся к старушке в желтом платье с оборками: неподвижное морщинистое лицо, растерянный взгляд. Сколько таких проходило через него! «Старая, сильно измененная больная», дефект – и ничего больше. Ну, история какая-то давнишняя, так что с того? Для девчонки во всём этом тайна, загадка. Детский сад! Она болезнь из того несчастья выводит, а причина всегда внутри! Что до событий, то просто усилили уже начинавшуюся болезнь. Как же надоели все эти попытки искать причину болезни в душевных травмах! Ерунда всё это, нет никакой души! Есть биохимия – и всё!

Накатило раздражение: всё не так! Обрыдли дураки! И работа дурацкая, и профессия! Таня, поймав на себе злой взгляд врача, напряглась, покраснела и выпалила:

– Так правда это – про сестру? Действительно ее любовник убил?

Литвинов вспыхнул. «И что эта девка по-идиотски глазами хлопает? Думает, раз клевая такая, то может грузить меня всякой хренью?»

– И что с того? Подумаешь, история столетней давности!

Вы детективами увлекаетесь? Не стоит! Ерунда всё это. Ну, было что-то! Больной мозг запечатлел, преломил по-своему. Не парьтесь! Я таблеточки и капли выпишу, если будет плохо себя вести, дадите. Только не перестарайтесь! У нее возраст, сами понимаете, да и вес небольшой. Я дозы укажу.

Таня обиженно молчала: давно она не встречала такого хамства. Вот сволочь, злится на пустом месте! И откуда такие берутся? Ну если врачаха районная волком смотрит, так то понятно, замотанная тетка, достали ее все. А этот что бесится?!

– Вы только таблетки выписываете? А сочувствие как же?

– Милая девушка, вы чего-то не понимаете! Если за сочувствием, это в другое место, а мое дело – лечить! – Бросил и пожалел: еще жаловаться пойдет. А заведующий и так ко всему придирается, всё не так, всё не эдак! Бросить бы всё к чёрту... додумать не успел.

Бабка в нелепом желтом платье неправдоподобно резво вскочила со стула и бросилась на него.

– Не смей обижать мою Лизу! Слышишь, фашист? Не отдам ее больше, не отдам! – Черным крылом взметнулся примотанный к запястью мешок, плюшевый мишка покатился по столу, жесткие старческие ногти полоснули доктора по щеке и впились в шею.

Анатолий больше удивился, чем испугался, вскочил, нажимая тревожную кнопку. «Это ж надо – и здесь лоханулся! А с виду такая тихая!» Попробовал «зафиксировать» боль-

ную, та извернулась и, падая на колени, вцепилась зубами в руку. Врач дернулся, ослабил хватку, попытался высвободиться – не тут-то было! Старуха держалась насмерть.

Всё произошло так стремительно, что Таня не сразу опомнилась. «Во дает, проучила! Как тогда Вадима!» Вспомнился сбивчивый рассказ о спасении Мишонка. «Не такая уж она беспомощная! Не зря Федор боялся! Но выручать всё равно придется!»

Девушка вскочила со стула, властно схватила старуху за руку и приказала:

– Сима, прекрати! Слышишь, сейчас же! – Требовательно сжала сухонькую кисть. – А то уйду от тебя и больше не вернусь! Поняла? Отпусти доктора!

Серафима разжала челюсти и со слезами сползла на пол. Татьяна помогла старушке подняться, усадила в кресло, провела ладонью по растрепанным седым волосам и дерзко бросила в лицо врачу:

– Плохо, когда человек не на своем месте!

С треском распахнулась дверь, вбежали медсестра, охранник и солидный мужчина в белом халате.

– Что тут у вас стряслось?!

Литвинов продемонстрировал поцарапанную щеку и следы укуса на запястье.

– Больная пришла в возбуждение, так неожиданно...

– Вовсе не неожиданно! – возмутилась Татьяна. – Просто ваш доктор не умеет себя вести, хамит пациентам!

– Ну знаете ли! – Анатолий покраснел от гнева, понимая, однако, что девка права; сорвался он так по-глупому, а тут еще и заведующий...

Седовласый врач в очках со спокойной уверенностью прошел вперед, участливо наклонился и мягко спросил, глядя на пациентку:

– С вами всё в порядке?

Старушка молча кивнула.

Обвел взглядом притихший персонал.

– Мы ради больных здесь работаем, а не для собственного удобства! Всем понятно?!

Медсестра и охранник усиленно закивали, Анатолий хмуро потупился. «Как всегда, прав старый хрыч! Что ж, уволит – уйду! Не мое, значит!»

Заведующий приветливо улыбнулся Татьяне.

– Пройдемте ко мне в кабинет, побеседуем!

Девушка шла как во сне, еще не остыв от гнева. Никто не смеет так с ней обращаться! Да и с пациентами вообще! Безобразие!

Пожилой врач слушал не перебивая, соглашался, успокаивал. Рассказал, как себя вести с бабушкой, выписал рецепты, объяснил, как давать лекарства.

Татьяна вышла из диспансера успокоенная, сжимая в руке бумажку с назначениями. Светило веселое летнее солнце, ветерок доносил запах сирени. На душе было легко и приятно, как после маленькой, но победы. Радовала прогулка до

автобусной остановки. Как чудесно ощущать молодое, легкое тело, жаждущее движения! Задорно, по-щенячьи перепрыгнула через лужу и резко развернулась. Как же Сима? Старушка, жалкая, сгорбившаяся и унылая, испуганно смотрела на грязную воду у ног.

– Что же ты? Идем скорее!

Седая голова мелко затряслась, скрюченные пальцы еще сильнее сжали мешок.

– Вода... Лиман... Нельзя. Лиза не велела!

– Да уж! Устала, бедная! Полечились, называется! – Таня повернула назад, аккуратно обошла лужу, взяла старушку за руку, повела за собой.

Выйдя за ворота диспансера, Серафима прислонилась плечом к свежеекрашенному забору.

– Не пойду дальше! Не могу, не хочу! Устала.

Вот так приехали! И не сделаешь ничего. Опять не рассчитала. Вот всегда так. Придется такси брать. Сосчитав всю наличность, девушка открыла приложение на смартфоне, вбила адрес, с тревогой посмотрела на цену за экономвариант. «Слава богу, хватает! Вызываем. Так, черная «Киа Рио» будет через восемь минут. Уф, можно передохнуть». Машины проносились мимо, старушка, ослабев, опустилась на пыльный пенёк, на желтом рукаве виднелись черные пятна.

Тут из ворот диспансера появился доктор Литвинов и решительно направился к ним. Таня глянула на него свысока и демонстративно отвернулась. Человек в неряшливом белом

халате опасливо посмотрел на старушку.

– Отвечайте: где карта вашей бабушки? – Он был просто в ярости.

– Какая еще карта? – возмутилась девушка.

– Медицинская! Она лежала на столе, когда вы затеяли спектакль.

– Что-о-о?! Вы еще обвиняете меня в воровстве?! Да как вы смеете! – Праведное негодование захлестывало. – Мало того, что с больными общаться не умеете, так еще и за бумагами не следите!

Девушка сорвала с плеч рюкзачок, дернула молнию.

– Вот, смотрите, обыскивайте!

Врач, смущенно покраснев, проверил все отделы – ничего. «Блин! До чего же мерзко всё складывается! Одно к одному. Мало того цирка, так еще заведующий дело под контроль взял, велел всё оформить, чтоб комар носа не подточил. Какой уж тут комар, когда всё запорол на фиг! Где писать, когда карту как корова языком слизала? Весь кабинет облазил – нету!»

Глаза девчонки обжигали гневом; он чувствовал, что она не врет, и не отступал лишь по инерции.

– Что, убедились? Может, еще раздеться перед вами? – Голос звенел; она скинула курточку, оставшись в одной футболке. – Вот карманы, проверяйте!

Литвинов начал мямлить извинения, но тут из-за угла вынырнула девица с фиолетовыми волосами и ринулась к ним.

– Толик, я вам не помешала?! Это твоя подружка? – истерично взвизгнула красотка, хищно взмахнув длинными сиреневыми ногтями.

– Эля, не мешай! – рявкнул молодой человек. – Видишь, я по делу разговариваю!

– По делу, конечно! – передразнила девица. – А раздевается зачем?

– Всё, хватит, надоело! – Ни разу еще за два месяца знакомства подружка его так не раздражала. – Пошли поговорим! – Он буквально потащил фиолетовую девушку к кустам сирени.

Таня чувствовала себя отомщенной. Ничего он не умеет: ни работать, ни любить. Всё самое главное в жизни мимо него проходит.

Надела куртку, и тут у въезда в диспансер как раз припарковалась черная, опрятного вида машина. Номер тот самый, можно садиться; поздоровалась с водителем, сказала, что не одна, и ткнула пальцем в сторону старухи в желтом платье с оборками. Серафима долго не хотела вставать с пенька, пришлось буквально на себе тащить ее до машины, с трудом усаживать на заднее сиденье. Когда дверца захлопнулась, девушка испытала настоящее облегчение. Взглянула на черный свежеекрашенный забор диспансера и решила, что никогда больше сюда не придет.

Знакомый двор показался на удивление быстро. Таня торопливо расплатилась и потащила старушку к подъезду.

Учуявшие хозяйку собаки подняли такой громкий лай, что, казалось, сбежится весь дом. Испуганно озираясь по сторонам, она никак не попадала ключом в скважину.

Войдя в квартиру, помогла старушке сесть и разуться. Никогда еще она не видела ее такой угнетенной. Нужно скорее ее покормить и уложить в постель. Долго распутывала обмотанный вокруг запястья длинный черный шнурок. Это же надо было взять такую идиотскую сумку! И что она только в ней носит?! Таня развязала мешок и заглянула внутрь. Что это? В руках оказалась тоненькая медицинская карта, та самая, которую искал Литвинов.

– Сима, зачем ты это взяла? Отвечай!

Старушка равнодушно глянула на историю болезни, подслеповато прищурилась и прочитала вслух:

– Петрова Серафима Васильевна – это я! И бумажка, значит, моя! Когда забирала Мишонка с его стола, и это взяла, чтобы гаду тому ничего нашего не досталось!

Представив себе ситуацию, Таня рассмеялась. Ай да Сима! Ай да молодец! А доктор ее за человека не считал, поэтому и не проверил. Или струсил подходить: вдруг укусит?!

Девушка уже хохотала вовсю, а бабушка слегка улыбалась из солидарности.

– Пойду лягу, ладно, Лиза? Что-то устала совсем.

– Конечно-конечно! – Таня торопливо уложила «сестренку» в постель и кинулась к медкарте.

С нетерпением открыла и побежала к себе в комнату, чи-

тая на ходу. «Интересно, что там такого особенного, что пациентам в руки давать запрещено? Диагноз «шизофрения неврозоподобная» – противный, оскорбительный какой-то! Но спорить не могу, она реально чокнутая!»

Отпечатанную на пишущей машинке выписку прочитала в один момент; потом еще раз, стараясь ничего не пропустить. Вот всё и подтверждается! Девушку охватило радостное возбуждение, которое быстро сменилось разочарованием. Ничего нового! И про клад ни слова. Жаль, а так интересно могло получиться!

Таня была не из тех, кто быстро сдается; она принялась изучать карту досконально, старательно разбирая непонятный, «врачебный» почерк. Серафима посещала диспансер нерегулярно, только один раз лежала в больнице, вела себя тихо, замкнуто, работать не могла, обслуживала себя с трудом.

Вроде бы всё шло гладко, течение болезни почти без обострений. Вот именно что «почти». Была же одна госпитализация, из-за чего-то нарушилось равновесие? Таня снова схватила ветхую выписку, но обращала внимание уже не на «военную» историю и упоминание об исчезновении сестры, а на обстоятельства, при которых потом ухудшалось ее состояние.

«Настоящее ухудшение в течение недели. Когда, со слов больной, к ней в парке подошла женщина, представилась подругой пропавшей сестры, расспрашивала о сестре, предла-

гала помощь...»

Так-так, что за женщина? Но как Татьяна ни вчитывалась в медкарту, так ничего конкретного и не нашла. Жаль – ни-точка оборвалась, едва показавшись. Вскочила с дивана, порываясь расспросить саму Серафиму, но разве можно помнить, что было сорок с лишним лет назад?! А у этой еще и в голове ничего не держится: не может усвоить, что на дворе июнь. Чуть не все месяцы переберет, пока нужный назовет. И улыбается так виновато, что про год спросить язык не поворачивается. Впрочем, как муж сестры мишку порвал, помнит, а это же совсем давно было.

Девушка решительно шагнула в коридор; споткнулась о теплый мохнатый клубок, охнула, толкнула дверь бабкиной комнаты. На ободранных половичках зашевелились рыжики, синхронно, как по команде, начали зевать и потягиваться, вопросительно виляя хвостами. Единственное помещение, где всё оставалось как было. Корзины, сумки, горы старых тряпок и запах сырости, плесени, псины. Изодранные когтями обои, паутина по углам, обглоданные кости и куски засохшего хлеба – всё, что Таня много раз порывалась убрать, но, натываясь на злобное рычание и жалобные всхлипы, оставляла как есть. «Привычная среда обитания – важная вещь, не вздумай трогать!» – распинался отличник Данька, когда она описала ему этот ужас.

Снова подумала, что мало понимает в медицине, но развить мысль не успела; два влажных носа нетерпеливо ткну-

лись в ноги с разных сторон; послышалось глухое ворчание. Решительно села на древний, шаткий диван, положила руку бабушке на плечо, легонько потрясла. Протертый, засаленный плед съехал на пол, показался желтый рукав в пятнах черной краски. Раздеваться перед сном Серафима категорически отказывалась, меняла одежду по мере загрязнения, в среднем раз в две недели.

– Сима, проснись, разговор есть!

Бабка заворочалась, резко села в постели, принялась тереть глаза и трести головой, озираясь по сторонам. Но через пару минут взгляд стал осмысленным.

– Лиза, ты чего? Что случилось? Опять куда-то пойдём?

– Нет, что ты! Всё в порядке. Просто спросить хочу: ты помнишь, как в больнице лежала? Давно, много лет назад?

– Больница? Вроде было что-то. Таблетки, уколы, врачи вроде сегодняшнего. А что?

– Перед тем как попасть туда, ты встретила в парке женщину. – Таня судорожно сглотнула. – Она назвалась моей подругой, вспомни, пожалуйста!

В выцветших глазах мелькнула искорка оживления.

– Да-да, в парке. Пришли туда с тем дядькой, что увез меня из Крыма. Он ушел газету купить, а мне велел сидеть на лавочке... Я так сидела, сколько – не помню. Потом смотрю – женщина с девушкой прогуливаются, и всё возле меня, и глядят как-то странно. Думаю – мне-то что! А тетка вдруг решительно подошла и спросила: «Вы – Лиза? Лиза Петро-

ва? То есть Златова?»

Представляешь, меня твоим именем назвала! Значит, мы похожи! – На синеватых губах мелькнула улыбка. – Здорово, правда? Только тетка быстро догадалась, что я – Сима. Расспрашивать стала о тебе быстро-быстро, а я сижу глазами хлопаю, не понимаю ничего, дура дурой. Тут дядька мой вернулся, накинулся на них, чтобы ко мне не приставали. Ругань, крики. Я в слёзы, а девушка со мной рядом села, пока ее мама отношения выясняла. Обняла, слова говорила хорошие, помощь предлагала, бумажку со своим именем в карман мне сунула. Я сразу не сообразила, только дома, когда платье снимала, нашла.

Серафима вдруг резко вскочила, зашаталась и едва не упала на девушку; хорошо, та вовремя успела подхватить.

– Успокойся, успокойся, пожалуйста! – Таня перепугалась, что старушке станет плохо, а она не знает, чем помочь. Без пяти минут врач, называется! Эти слова, которые мать часто с гордостью повторяла подругам, показались злой насмешкой.

Бабка решительно полезла на стул, потянулась к полке над столом, уставленной всякой всячиной, плохо различимой под толстым слоем пыли. Схватила жестяную коробочку из-под чая, брякнула на стол, попыталась открыть негнущимися пальцами.

– Помоги!

Таня обтерла крышку краем скатерти, подцепила ногтем.

Раздался щелчок. Из перевернутой коробочки высыпались две древние конфеты «Мишка на Севере» и мятая пожелтевшая записка. Девушка расправила бумажку, всмотрелась в корявые, полувыцветшие буквы. «Дюкова Наталья, ул. Короленко, д. 6».

– Вот, для тебя сохранила, твоя же подружка! Они конфетками меня угостили, добрые были, милые, что мать, что дочка. Дядька с ними говорить запретил, раскричался, страх просто! Они ушли, я в рев, даже конфеты не съела.

Старушка вздохнула, развернула бумажку с выцветшим мишкой; показалась ссохшаяся, покрытая белесым налетом конфета.

Таня всполошилась:

– Не вздумай есть! Испортилась, бяка!

– Как испортилась? Не может быть! Чуть-чуть совсем по-лежала!

– Чуть-чуть – это сколько?

– Несколько дней... ну или месяцев. Как вчера было.

– Много лет прошло, Сима.

Про себя добавила: «Сорок один год, мама моя только в садик ходить начала, а она ведь совсем старуха! Или не совсем?» После встречи с Серафимой мать и отчим заметно помолодели в ее глазах. Да и весь мир изменился: сложнее стал, интереснее.

Глава 6

Геката и бабка-ёжка

Вечером, облазив Интернет, Таня нашла Дюкову Наталью Владленовну, 1956 года рождения, проживающую в Москве, на улице Короленко, дом 6, квартира 17. Дюкова писала статьи по психологии для женского интернет-журнала «Гека-та». Девушка просмотрела парочку опусов, немного задержавшись на советах для желающих «срочно и любой ценой выйти замуж».

«Убедитесь, что принимаете своего избранника таким, какой есть, и не рассчитываете подогнать его под себя, как платье, купленное на распродаже. Ничего не получится, красиво не будет. «Почему?» – спросите вы. А вот представьте себе хозяйку, у которой в сарае развелись мыши, и ей требуется кошка, а она идет в зоомагазин и покупает канарейку, просто потому что других зверей в продаже не было, а терпения ждать или искать в другом месте – тоже. Женщина приносит птичку в сарай и требует поймать мышь. Нелепо и смешно, не правда ли? Тем не менее многие повторяют именно эту ошибку...»

Татьяна от души рассмеялась, представив себе канарейку в роли кошки. «Может, и хорошо, что я одна и нет рядом парня из серии «лишь бы кто-нибудь»? Одна и одна, но как порой не хватает того, «кто нужен»! Где только его взять?»

Таня вздохнула, встала, прошлась по комнате. «Если я без предупреждения припрусь к Дюковой, она выставит меня за дверь: единственный логичный вариант!»

От осознания подобных перспектив немного взгрустлось,

и она принялась разворачивать шоколадку «Аленка». Сколько раз обещала себе не брать в руки эту вредную гадость! Ничего не выходит: стоит прийти в магазин, как шоколадки оказываются в корзине будто сами собой, – ужас!

Посмотрела на отцовский портрет, будто ища совета. Взгляд скользнул по выцветшей фотографии девушки с длинной косой.

Вот же оно! То, что надо, чтобы начать разговор! А там – как получится! Если отошлет – значит, не нужно в это со-
ваться!

Приняв решение, повеселела, взяла в руки выцветшее фото Лизы. И тут как ударило: «Это единственная фотография во всём доме! Неужто Симу не снимали ни разу за все ее почти восемьдесят пять лет? Не может быть!»

Таня выбежала в коридор, громко позвала. Тишина, даже собаки молчат. Значит, никого дома нет, гуляют. Открыла кухонное окно, выглянула: так и есть. Старушка подбрасывала серый изгрызенный мячик, рыжики прыгали, хватали его зубами, жевали и приносили хозяйке.

– Серафима, иди сюда!

Бабушка услышала сразу, обернулась, подошла поближе к окну, вопросительно посмотрела.

– Скажи, у тебя есть фотографии, ну, твои собственные, понимаешь?

– Какие фотографии? Зачем?

– Чтобы были, просто так. У всех есть, а у тебя?

– Нет. – Старушка искренне недоумевала.

– Подойди сюда, встань ровно, я тебя сфоткаю! – Девушка подняла смартфон. – Вот так, не вертись! Хорошо! Можешь идти!

Сима бодро заковыляла к питомцам, а Таня вгляделась в экран. Ярко-желтое платье, две тонкие седые косички, растерянный взгляд, робкая улыбка. Здорово получилось на фоне свежей зелени в розовых лучах заката. Добрая бабка-ёжка из веселой сказки.

Такую не забудешь, даже если видел всего один раз, много лет назад!

Глава 7

Письмо из прошлого

На следующее утро, в одиннадцать пятнадцать, Таня вышла из автобуса на остановке «Улица Короленко». Прошла немного назад, повернула налево. Тихая улочка, старые дома конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Вот и высокая серая пятиэтажка со стеклянным лифтом на фасаде. Монументальное строение начала тридцатых годов прошлого века. В нужном дворе осмотрелась, отыскала глазами подъезд номер два и остановилась в нерешительности.

«Прямо так взять и позвонить?» Ей сделалось неудобно; чтобы собрать остатки решимости, села на скамейку, достала смартфон, открыла портрет журналистки Дюковой. Подтянутая стройная дама средних лет, короткая стрижка, дорогие очки, ироничная улыбка. Наверное, в жизни совсем не

такая.

Таня всё больше жалела, что ввязалась в это дело. «Еще за мошенницу примет! Позор! Может, уйти и плюнуть на всю эту чепуху?»

Уже начала вставать, чтобы уйти. Но тут дверь подъезда беззвучно распахнулась, и на дорожку выкатилась мелкая лохматая собачонка в красном ошейнике, украшенном разноцветными стразами. Такая забавная, что Таня невольно засмотрелась. А «зверюга» внимание восприняла как вызов и с рычанием вцепилась в штанину. Девушка вскрикнула, дернулась, взмахнула рюкзачком, задела женщину в черных очках, закутанную в шелковую шаль с узорами в стиле модерн, с тонким кожаным поводком в руках.

– Пикси, отпусти сейчас же!

Разъяренный монстр нехотя послушался, с фырканием выпустил изо рта джинсы и, твякая, запрыгал вокруг хозяйки. Таня осмотрела две дырочки чуть ниже коленки, не зная, злиться или смеяться. Конечно, денег на обнову нет и не предвидится, но знакомство-то состоялось! Эта тетка – явно Дюкова, как на фотке, никаких сомнений!

– Здравствуйте, Наталья Владленовна, я к вам! – выпалила и покраснела.

– Так-так, уже интереснее! – Улыбка сделалась еще ироничнее, тонкие длинные пальцы взметнулись к лицу, сверкнули причудливые узоры на ногтях, черные очки были с вызовом подняты, как перед боем забрало. Взгляд, пронца-

тельный и неожиданно добрый, позволил немного расслабиться. – И откуда будете, позвольте полюбопытствовать? Случайно не от того настырного юноши, что набивался ко мне в ученики?

– Нет-нет! Я сама по себе! Мне нужно у вас кое-что спросить, это не займет много времени!

– Вы меня интригуете, деточка! Не обижайтесь, что так называю, вы ведь ходите мне во внуки.

– Что вы! Вы такая молодая, даже не верится... – Таня окончательно смутилась.

– Что вы, мне через пару лет будет шестьдесят пять! Вы, верно, собирались соврать, что это молодость? Не трудитесь! – Дюкова явно потешалась.

– Что вы, я не имела в виду ничего такого! – Таня окончательно растерялась. – Это так здорово, что вы видели, что было давным-давно, и можете рассказать!

– Вроде ходячего ископаемого, что ли? Вот чем мне нравится современная молодежь, так это непосредственностью! Что на уме, то и на языке! Ничего не боятся! Свободны, нечего сказать!

Девушку не обидела ирония. Она простая студентка, такая, как все. По-настоящему образованных и интеллектуальных людей никогда не встречала, но подозревала, что они существуют и никого не пускают в свой закрытый круг.

– Извините! Может, немного пройдемся, а то собачка сейчас порвет поводок?

Дюкова задумчиво кивнула и медленно двинулась вперед. Тане, привыкшей к быстрой ходьбе, было трудно держать такой темп.

– Я хотела спросить о том, что было очень давно, сорок лет назад... Мой вопрос может показаться странным и нелепым, но вы, пожалуйста, не смейтесь! Вы гуляли вместе с мамой в парке «Сокольники» и встретили женщину... очень странную, психически больную... Ваша мама назвала ее Лизой Петровой, потому что приняла за свою школьную подругу из Евпатории, – сбивчиво протараторила Татьяна и осеклась, приглядевшись к собеседнице. Исчезла ироничная вальяжность, лицо заострилось и постарело, взгляд стал грустным, задумчивым и виноватым, а голос – резким.

– Елизавета Петрова, говорите... А вы, собственно, кто? Кем ей приходиться?

– Таня Аникина, студентка мединститута, живу у Серафимы Васильевны Петровой... – И показала фото сестер.

Чем дальше она рассказывала историю, тем сильнее чувствовала ее нелепость. «Просто дурдом какой-то! Сейчас меня пошлет – и правильно сделает!»

Журналистка слушала очень внимательно.

– Значит, она всю жизнь ждала пропавшую сестру и вас за нее приняла? Как интересно! Но на меня-то вы как вышли?

Таня вытащила из кармана скомканную пожелтевшую бумажку.

Наталья Владленовна повертела записку в руках.

– Как сейчас помню, женщина с косичками, в коричневом школьном платье, красивая, а взгляд пустой, отсутствующий. Мама, как ее увидела, сама не своя стала. Вскрикнула, подбежала. Мне тогда всего двадцать два было, но Серафима казалась моей ровесницей или моложе – совсем девочкой. Я весьма удивилась, когда узнала, что ей сорок три. Это же совсем пожилая женщина, по моим тогдашним представлениям! Старше матери! Как вы бы сказали, «просто жость»! Первая мысль была: какую статью состряпать можно о вечной юности, бывает, значит, такое, не выдумка! Потом присмотрелась получше и поняла: не старела она, потому что не жила. Жутко стало, будто в бездну глянула... Тут вижу, что и мама сама не своя. Показалось мне, что и она о том же подумала. Я утешать стала, мол, девушка больная, ей помощь, поддержка нужна. Вот я записку с именем и адресом ей в карман и сунула. Мама еще сильнее перепугалась, сказать что-то хотела, а тут старик подошел – мерзкий, злой, кричать начал: «Что к дурочке привязались?! Цирка захотелось?» Всё грубо так! Я начала его стыдить, возмущаться, мама не дала, за руку схватила и к выходу потащила. Подальше от всего этого... и ни слова больше. Только много лет спустя, перед смертью, объяснила почему.

Дюкова вздохнула, встряхнулась, отгоняя воспоминания, пристально, по-новому осмотрела Таню, покачала головой.

– Неисповедимы пути Господни! Я всегда думала, что это нельзя просто так выбросить из жизни! Что ж, я вам расска-

жу кое-что, даже многое. А вы сами решайте, как поступать дальше. – И погрузилась в длительное раздумье.

Таня изнывала от любопытства, но изо всех сил заставляла себя молчать, чтобы не спугнуть удачу. Собачка натягивала поводок, стремясь обнюхать куст около скамейки, и наконец, отчаявшись, возмущенно затыкала на хозяйку.

Дюкова встрепенулась, будто резко проснувшись, и быстро зашагала назад к дому, жестом пригласив девушку следовать за собой.

Таня с интересом разглядывала чистый просторный подъезд, нарядную лестницу, уходящую вверх. Журналистка медленно поднялась на второй этаж. Звякнули ключи, скрипнула высокая темно-коричневая дверь. Просторная прихожая, старинная резная мебель из натурального дерева. Таня видела такую только в фильмах и, смутившись, сжалась у порога.

Дюкова, не снимая туфель, прошла в дальнюю комнату. Послышался звон стекла, шум падающих книг, шелест бумаги. Гостья, немного придя в себя, шагнула вперед, рассматривая картины на стенах. Женская головка на фоне серебристого серпика луны. Это, конечно, Геката – эмблема журнала, покровительница ведьм. Похожее изображение украшало сайт журнала, но там оно не выглядело столь зловещим.

– Вы, вижу, уже освоились! – Бодрый голос заставил девушку вздрогнуть. – Пойдемте выпьем чаю, я нашла то, что вам нужно.

Взмахнула тоненькой серой тетрадкой, показывая, куда

идти. Таня быстро расшнуровала кроссовки, поставила их на нижнюю полку дорогой деревянной галошницы и босиком побежала за хозяйкой.

Кухня оказалась не просто старомодной, а стилизованной под девятнадцатый век: посередине красовался круглый стол на массивной резной опоре, по стенам – застекленный антикварный буфет с бело-золотистым тонким фарфором, встроенный деревянный гарнитур в том же стиле.

Наталья Владленовна зажгла огонь под пузатым медным чайником. Заметив удивленный Танин взгляд, проговорила:

– Придется подождать, пока вскипит! Не терплю электрические: вода в них невкусная, пластмассой пахнет. А вы не стесняйтесь, присаживайтесь за стол!

Девушка присела на краешек массивного деревянного кресла, поставила ноги на приятно теплые золотисто-коричневые плитки пола.

Дюкова наполнила две изящные чашечки ароматным травяным чаем, поставила стеклянную вазочку с конфетами.

Таня не решалась попробовать угощение под пристальным взглядом хозяйки, а та разглядывала гостью долго и беззастенчиво, будто хотела убедиться в чём-то.

– А ведь я всё ждала, что кто-то заинтересуется этой историей, только не думала, что это будет такая юная девочка, к тому же совсем случайная, посторонняя. Вы простите меня.

– Всё в порядке. – Таня осторожно взяла тонкую фарфоровую чашечку, отпила остывший пряный напиток.

Раздался настойчивый, резкий звонок в дверь, рука дрогнула, несколько капель упало на скатерть. Пожилая дама тяжело поднялась и направилась в прихожую.

Скрипнула дверь, зазвенел бойкий молодой голос:

– Это я – Герман! Наталья Владленовна, пришел, как обещал, к двенадцати! Вы прочитали мои работы? Простите, но журналист просто обязан быть настырным!

– Что ж, заходи, если пришел. Думаю, тебе будет интересно.

– С вами всегда интересно, есть чему поучиться, а это я люблю!

На пороге кухни показался высокий тощий молодой человек в белом свитере, с модной авторской стрижкой и с внушительной сумкой для ноутбука, из которой, кроме самого компьютера, тут же появились красная жестяная коробка конфет и бутылка вина.

– Не вздумайте возражать! Это кьянти, ваше любимое.

– Спасибо, но не стоило! – Хозяйка притворно поморщилась. – Знакомьтесь – Татьяна! А это Герман, мой ученик.

– Очень приятно! – Девушка слегка кивнула головой.

Молодой журналист радостно улыбнулся, в глазах заплясали веселые искорки.

– Кажется, я как раз вовремя! Сюжет обещает быть интересным!

– Еще каким! Садись. Тебе чаю налить?

– Конечно, и четыре ложки сахара!

Дюкова молча поставила на стол фарфоровую сахарницу и вздохнула с облегчением.

– Это хорошо, что ты пришел, сможешь разобраться в старой запутанной истории, за которую я в свое время толком так и не взялась. Что ж, слушайте, дети, и запоминайте! – На холеном лице появилось мечтательное выражение сказительницы. – Мама была родом из Евпатории, в конце 1945 года вышла замуж за моего отца и переехала в Москву. В родном городе у нее оставалась близкая школьная подруга Лиза Петрова, которая была замужем за офицером милиции. Лиза счастливо жила с мужем и младшей сестренкой Симой в маленьком домике недалеко от моря. Мои родители приезжали к ней погостить в августе 1946-го. Всё казалось чудесным, и в саду росли вкусные, сочные персики. Они так понравились маме, что она попросила Лизу и на следующий год прислать целую коробку таких же свежих плодов.

Взгляд рассказчицы затуманился, она умолкла на мгновение, затем встряхнулась и продолжала совершенно другим, бодрым тоном:

– Вы удивляетесь, молодые люди? Достать в Москве качественные фрукты тогда было проблемой, да и сейчас тоже. Просто ваше поколение уже не знает вкуса натуральных продуктов. Думаете, что я отвлекаюсь не мелочи? Как бы не так! Так вот, первого сентября 1947 года пришла посылка с сочными золотистыми персиками. На дне коробки оказался плотный, крепко заклеенный бумажный конверт, а еще пись-

мо, которое, к сожалению, не сохранилось, но там было написано приблизительно следующее: Лиза сообщала, что собирается приехать погостить в Москву в октябре – ноябре, и просила до ее приезда конверт не вскрывать и лишних вопросов не задавать.

– И что? Неужто так и не вскрыли? И любопытство не замучило?! – вскинулся Герман. – Да быть такого не может!

– Может, друг мой, может! Очень даже может! – усмехнулась хозяйка. – Мама была человеком слова, умела сдерживать любопытство и хранить чужие секреты. Поэтому Лиза выбрала именно ее. Мама положила запечатанный конверт на полку и не вспоминала о нём практически до нового, 1948 года. Потом попробовала связаться с крымской подружкой, посылала письма, телеграммы – никакого ответа. Наконец, папа уже по своим каналам выяснил, что Лиза умерла; точнее, ее убил любовник.

– Если она умерла, то почему Серафима ждала сестру всю жизнь? – выпалила Таня и покраснела, поймав на себе насмешливый взгляд хозяйки.

– Простите, деточка, но совершенно очевидно, что больному ребенку просто не сообщили о смерти сестры, чтобы не травмировать психику, – ухмыльнулась Дюкова.

– Или сказали, но она не приняла новость, вытеснила, как говорят психологи! – с умным видом встрял Герман.

– Не суть важно! Интересна история, в которую вляпалась молодая женщина. Двадцать два года – совсем ребенок, ни

дальновидности, ни опыта. Полезла на рожон. Да вы читайте! Потом выскажете свое мнение! – резюмировала Дюкова и раскрыла тоненькую серую тетрадочку с пожелтевшими страницами в клетку. Ровненькие, крупные, выведенные с нажимом буквы издавала сплетались в причудливый узор.

...Если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых!

Я так и не смогла сделать правильный выбор, вот и наказана!

И поделом. Сама виновата. Не спеши осуждать, попробуй разобраться. Чтобы ты могла составить верное впечатление, расскажу всё по порядку, как было. С самого начала. Только помни: мой муж Вадим – это самое дорогое, самое ценное, что есть в жизни. Потерять его – страшнее всего! Он, как назло, часто уходил по ночам... Я умирала от ревности, терялась в догадках...

И решилась однажды за ним проследить. Вот дура, зачем я это сделала?! Теперь я твердо уверена, что есть вещи, которые лучше не знать, и знания, с которыми невозможно жить! Так вот, я увидела четко и ясно, как мой нежный, добрый Вадим ночью пришел на кладбище, чтобы обнаружить клад, затем легко и ловко убил человека, а труп сбросил в лиман. Лучше бы он изменил мне! Тогда бы я закатила скандал – и всё бы выяснилось! А тут что было делать? Обнаружить себя и объясниться?! Или бежать в милицию и заявить о преступлении?! Но я не могла, не желала ве-

рить, что он преступник! Хотелось разобраться самой!

Глава 8

Концы в воду

...Лиза весь следующий день не находила себе места; даже обычные домашние дела вдруг сделались непосильно тяжелыми, скучными, а главное – бессмысленными. Для кого стараться, если Вадим не тот, за кого себя выдает?! К вечеру попыталась успокоиться, но всё валилось из рук.

Муж прямо с порога спросил:

– Что с тобой? Заболела?

Обнял, поцеловал. Она разрыдалась у него на груди. Вадим снова был свой, родной. И захотелось во всём признать, но природная осторожность удержала в последний момент, и Лиза стала жаловаться на слабость и головную боль, прижимаясь к крепкому плечу. Ужас и тоска постепенно отступали, ведь любимый снова был рядом, такой надежный и родной. И шут с ним, с ночным приключением!

Последующие две недели она старательно прятала синяки и ссадины под закрытой одеждой, притворяясь больной. Кожа заживала легко и быстро; скоро нечему будет напомнить о том кошмаре. А забыть она постарается; главное – вернуться к привычной жизни!

Первый день августа был теплым и солнечным; в садике на персиковых деревьях красовались мелкие желтоватые плоды. «Когда чуть сильнее созреют, пошлю Нине в Москву, как обещала», – подумала Лиза, направляясь к дому. Вдруг по-

слышался резкий стук и скрип: кто-то тряс калитку. Трясла соседка Зинаида Марковна – шумная толстая тетка лет пятидесяти. Мужа на фронте потеряла, а сын вернулся целый и невредимый, на работу устроился, вот она на радостях только о нём и говорит, второй год уже, все кругом от нее устали, а Лиза слушает, сочувствует. Жалко, что ли? Главное – человеку приятно.

Молодая женщина поправила косынку и со вздохом отправилась открывать. Тетка шумно отдышалась, потербила пуговицы на выгоревшем ситцевом платье и без приглашения приземлилась на лавку в тени шелковицы.

– Ох, Лизка, что расскажу – зашатаешься! – И замолчала, желая подстегнуть любопытство слушательницы.

Хозяйка улыbnулась и присела рядом с гостьей на край скамейки. Сплетни ее волновали мало, да и что интересного могло произойти в округе? Разве что Зинаидин сынок задумал жениться? Ну, тогда слушать придется долго...

– Представляешь, мой Васька в нашем лимане труп нашел! Гулял себе с девчонкой, то да сё! – Зинаида Марковна выразительно покрутила рукой. – Вечером дело было, но еще светло, место тихое за кладбищем, ну, значит, чтобы не мешал никто! Девка пошалить вздумала, бегом припустила, ну вроде как – попробуй догони! Туфли скинула – и в воду шась, глубина-то – сама знаешь, там и по пояс не будет. Машка брызгается, смеется, да вдруг как заорёт! Василий к ней, а там в мутной воде что-то чернеется. Присмотрелся, а

это покойник, разложился весь и креветками попорчен, видна только борода клочками, и мешок здоровый с камнями привязан, чтоб не всплыл, значит!

Лиза задохнулась от ужаса, сердце замерло, противный липкий пот покрыл спину. Стало страшнее, чем тогда, в момент убийства, и она бессильно ткнулась затылком в крашенный забор.

– Девонька, что с тобой? Ишь, побледнела как! Неужто перепугалась? Ах да, ты ведь хвораешь! А я, признаться, не верила, думала – брешут! – В голосе, кроме сочувствия, звучала радость, что всё-таки удалось произвести впечатление.

Лиза слабо улыбнулась.

– Всё нездоровится. Нервничаю, пугливой стала! Но вы продолжайте, интересно же!

– Так вот, мой Василий молодцом себя показал! Машку за милицией послал, а сам на берегу остался покойника сторожить.

– Зачем сторожить? Не убежит же!

– Убежать, конечно, не убежит, но место легко перепутать можно, искать тогда как?

Лиза согласно кивнула.

– Так вот, милиции понаехало – жуть! И народу понабежало – тоже будь здоров! Вот труп выволокли на берег, положили. А из толпы Петровна нос любопытный высунула, глянула на мертвяка – и в крик. Что это ирод, мол, полицай, при немцах уйму людей сгубил. Грабил, убивал, и всё ему

мало казалось! Исчез еще до прихода наших. Думали, порешил его кто тайком – и концы в воду! – Зинаида усмехнулась. – В воду оно, конечно, и вышло! Только сейчас, а не тогда... Кстати, о воде, кличка у гада была Водяной, люди мигом вспомнили! Хромой был чёрт, бороденка жидкая, длинная, волосы патлатые, глаза водянистые, страшные! Вот и закрепились за ним прозвище бесовское! – Тетка поправила платок и торопливо перекрестилась.

Лиза, цепenea от ужаса, прошептала:

– А убил-то кто? Выяснили что-нибудь?

Гостья хмыкнула.

– Да кто ж их знает, что выяснили?! У милиции всегда всё секретно! Но от себя я скажу... – перешла на шепот: – Бог его покарал, а чьими руками – не важно!

– Какой Бог, что вы говорите! – встрепенулась Елизавета. – Важно, кто это сделал! А люди-то что болтают? Особенно те, кто знал этого... мертвеца?

– Мне-то почему известно?

– Что вы, не скромничайте! Вы всё всегда знаете! Я просто восхищаюсь вами! – Лиза постаралась изобразить восторг.

Зинаида довольно улыбнулась.

– Да уж! У меня талант! В милиции бы работать – так всех жуликов на чистую воду б вывела!

– Вы упоминали, женщина какая-то его узнала?

– Да, Петровна! Неужто не помнишь? Козьим молоком на рынке торгует, оно у нее, болтают, целебное!

– Правда? И мне бы попить, а то вторую неделю хвораю, всё сил нет. Не сведете с ней? Мы бы договорились! – В словах Лизы послышалась заинтересованность.

– Конечно! С радостью! Приходи на базар завтра утром, часикам к восьми, я как раз за покупками собираюсь, да и она там будет!

– Ой, спасибо, прямо выручили! Может, чайку зайдете попить? – Таким действием Лиза рассчитывала продлить разговор.

– Не откажусь!

Лиза проводила Зинаиду Марковну только через полтора часа, с чувством полной опустошенности. Увы, ничего нового она не узнала, а бесчисленные сплетни утомляли и раздражали. Рыночную торговку, конечно, нужно будет расспросить, но потом. Позже. Пока не стоит привлекать внимание.

Она закрыла калитку и замерла в задумчивости, перебирая в уме всё услышанное сегодня. Убил карателя, полиция – хорошо сделал, правильно, грех осуждать! Но всё-таки за всем этим просматривалось что-то невыразимо темное и страшное. Как представитель закона, Вадим должен был арестовать негодяя и предать суду! А вышло всё совсем по-другому... Назначил тайную встречу, общался как с хорошим знакомым, проверял что-то зарытое на кладбище... Затем подло пристукнул и смылся. Будто ограбил, отнял то, что в земле!

Тут ее как осенило: «Клад и есть ключ к разгадке! Нужно

пойти и проверить, прямо сейчас!»

Дрожащими руками Лиза получше повязала платок, чтобы палящее солнце не напекло голову. Самая жара, на улицах пусто: кто на работе, кто дома сидит. Есть шанс пройти незамеченной и вернуться задолго до прихода мужа.

Кликнула Симку, велела сидеть тихо, из дома не высываться. Девчонка посмотрела на сестру испуганными глазами, замотала головой.

– Ты... ты куда? Я боюсь! А если тебя опять фашисты схватят? Не пущу!

Лиза опешила, ведь совсем забыла, что болтала в то несчастное утро.

– Послушай, нет никаких фашистов! Забудь, что я тогда так сказала! Просто погулять пойду. Ясно?

– Ясно, – грустно пискнула девочка. – А мне с тобой можно?

– Ни в коем случае! Марш домой! – И выбежала в раздражении, хлопнув калиткой. Сзади еще долго слышался скрип.

...Лиза старалась идти медленно, чтобы не привлекать внимания, но ноги будто сами несли ее. Вот и конец Хлебной улицы. На всякий случай оглянулась: вроде никого, только тень мелькнула за толстым деревом. В том месте, где пряталась сама той страшной ночью.

Снова сделалось жутко. Может, не стоит лезть на рожон?! Ведь за последние две недели столько раз пожалела о своей затее. Она явственно поняла, что, если продолжит начатое,

жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

И всё же Лиза шла вперед. Вот уже действующее кладбище, дорожки, поросшие короткой высохшей травкой. Вдруг не удастся вспомнить ночной маршрут, ведь было так темно, когда она ползла и пряталась за надгробиями?!

Молодая женщина с гулко бьющимся сердцем шагнула на территорию заброшенного Караимского кладбища. Огляделась, стараясь сориентироваться. Замшелые разбитые камни в высокой сухой траве. Как тут что-то найти, вспомнить? Вроде там была почти целая плита... по размеру больше других...

Лиза стала старательно обходить все мало-мальски сохранившиеся надгробия; перед каждым опускалась на корточки, обшаривала руками колючую, жесткую, горячую землю. Ничего, совсем ничего. Ни малейших следов. А ведь тот бородатый легко воткнул длинный острый шест; значит, почва должна была быть рыхлой, иначе бы ничего не вышло! Она вскочила на ноги и стала бегать, высматривая следы раскопок. Опять ничего интересного... Вот надгробие «Шайтана», у которого в детстве прятала записку и радостно глядела на звёзды, а потом по-дурацки шлепнулась, споткнувшись о камень. Да, вот о такой, их здесь много набросано. Присмотрелась внимательнее: один посеревший мраморный обломок будто недавно трогали; по краям слегка примятая трава, и почва подозрительно рыхлая. Схватилась за край, но сдвинуть не смогла – не хватило сил. Только немного приподня-

ла, и... в глаза бросилась перекопанная, чуть влажная земля. «Есть! Вот оно, то самое место!» Просто мужчина откинул плиту легко, одним движением, а она в тот момент отвлеклась и не заметила. Да и темно было, всё выглядело по-другому.

Вдруг сзади послышался шорох шагов, чья-то рука коснулась плеча. Лиза в ужасе вскрикнула, шарахнулась и упала на горячий камень; но сразу же вскочила и отпрыгнула в сторону. Мысли мелькали как молнии: «Неужто конец?! Так глупо попалась!» И тут – она увидела белую панамку, растрепанные косички, растерянную Симкину мордашку.

– Ты чего? Зачем шла за мной? Разве можно так пугать?! – Слезы сами застлали глаза. Сестренка бросилась ей на шею и заплакала «за компанию».

– Страшно дома одной! Хочу с тобой! – громко всхлипнула девочка. – Ты думала, что мертвяк из земли вылез, тебя схватил, да? Поэтому испугалась? Ужас! А зачем тогда могилы раскапывать?

– Да не раскапываю я ничего! И лопаты нет, видишь?! Просто монетку уронила, она под камень закатилась, вот, – неуверенно соврала Лиза. – Пошли домой, быстро! И...

– Дяде Вадиму ничего не рассказывать?

– Да! А то смеяться надо мной будет, что по кладбищам гуляю!

Клад на кладбище

В следующий раз Лиза подготовилась основательно. Уложила сестренку днем в постель, дав предварительно настойки пиона с валерианой, чтоб лучше спала. Кстати, лекарство Серафиме доктор прописал, чтобы спокойнее была, а то заносит время от времени, голова-то больная! В общем, девчонке от лишнего отдыха только польза.

Лизавета дождалась, когда Сима крепко заснет, поцеловала белокурую головку, поправила простынку и тихонько прикрыла дверь.

Было около трех часов дня, солнце привычно палило, на улице было пусто. У калитки она немного постояла, прислушиваясь, затем пошла вверх по улице, осторожно прижимая к себе сумку с маленькой железной лопаткой и гвоздодером. На углу приветливо кивнула соседу, что, шаркая, брел к дому; а затем повернула в сторону кладбища.

Лиза шла легко и уверенно; просто женщина, спешащая по делам, – ничего подозрительного. Нужное место нашла сразу; но тут сделалось страшно. Легкость и уверенность мигом испарились, руки стали влажными, голова закружилась. И она бессильно опустилась на горячее шершавое надгробие. Но тут же вскочила, воровато осмотрелась, вытащила из сумки гвоздодер. Теперь главное – побыстрее отодвинуть плиту; но та вовсе не хотела сдаваться! Лиза поддевала ее со всех сторон, гвоздодер выскальзывал из рук, сердце бешено билось. Казалось, вот-вот придут люди, застукают, и... ко-

нец!

Наконец старый мраморный обломок оторвался от земли и с гулом осел чуть в стороне. Женщина схватила короткую лопатку и принялась с остервенением рыть рыжеватую почву. Песок и комья грязи летели во все стороны. Вдруг лопата ударилась обо что-то твердое; мелькнула мысль о гробе и потревоженных костях. Лиза опустилась на колени и стала счищать землю рукой. Показалась серая деревянная крышка с нацистским орлом. Сделалось жутко, мурашки побежали по спине, будто вернулась война и вот-вот сзади грянет выстрел. Тот самый, которого удалось избежать в сорок третьем. «Если тебе уготована пуля, никуда от нее не уйдешь!» – кричала старуха в черном за день до того страшного дня. Тогда Лизу спасло чудо, но оно не повторяется дважды! Может, не стоит тревожить чужие тайны?

Но пальцы сами собой потянулись к металлическим застежкам, раздался щелчок. Открывать страшно, но отступить уже невозможно.

Крышка откинулась с жалобным скрипом, обессиленная Лиза села на землю. Папки с бумагами на немецком, фотографии в верхнем углу каждого листа. Судорожно сглотнув, пригляделась внимательнее. Знания языка, конечно, не хватало, но разобрать, что под портретами русские фамилии, было несложно. Предатели, такие, как Водяной! До чего же ловкий подлец, припрятал компромат на своих поделщиков! Интересно, при чём здесь Вадим? Какие у него могут быть

дела со всей этой сволочью? Почему он не передал бумаги куда следует? Лиза с отвращением приподняла тяжеленные папки; на дне оказалась серая металлическая коробочка, похожая на подарочную упаковку чая или печенья, только без рисунка. Внутри были аккуратные жестяные баночки. Она приоткрыла одну и увидела свернутую микропленку. В страхе оглянулась по сторонам. Никого.

Нужно отнести в милицию! Не до конца сознавая, что делает, Лиза сунула коробку с пленками в сумку, вскочила, пробежала несколько метров, но порыв быстро угас. Она замедлила шаг, остановилась, прислушалась. Звонящая тишина, только ветер легонько шелестит сухой травой. Нехотя обернулась: позади зияла темная яма. Будто свежевырытая могила. Ее собственная могила. Сделалось тоскливо и жутко. Нет, никуда не нужно бежать, тем более в милицию! Надо разобраться, какова роль Вадима, и не пороть горячку.

Голос разума встрял: «Он такой же предатель, фашист и убийца, как и его дружок Водяной! Два паука не поделили добычу, и один, что пошустрее, прикончил другого!»

«Нет-нет! Вадим не может быть таким! Он хороший! Это просто секретная операция, работа – и всё!» – по-детски заступилась любовь.

Разум запротестовал: «Убедись сама!»

Да, да! Нужно выяснить, всё узнать! Но как? Не спрашивать же напрямую! А что если... перепрятать коробку с пленками и посмотреть, как он будет себя вести?!

Она уцепилась за эту внезапно пришедшую на ум идею и принялась лихорадочно «заметать следы». Захлопнула и сунула на место ящик, кое-как засыпала землей, подвинула на место плиту, собрала инструменты. Теперь можно идти домой. Жаль только, руки никак не оттираются: грязь будто въелась в них.

Только оказавшись в родном дворе, Лиза смогла перевести дух. Торопливо кинула сумку в дальний угол сарая, забросала мешками, задвинула ведрами. Подумала с усмешкой: «Здесь Вадим вряд ли найдет, ведь хозяйство полностью на мне. Как хорошо, что он не встречается в мелочи! А раньше обижалась, хотела, чтоб помогал. То было раньше. Теперь всё по-другому! Как жить?»

Вдруг осознала, что все последние годы жила одним лишь мужем. Страшно отказаться от любви! С чувством тоски и опустошения побрела на кухню готовить ужин. Работа валилась из рук, еда казалась невкусной: даже пробовать противно! Мысли всё возвращались к коробке с микропленками, которую нужно было надежно перепрятать. Где и как — непонятно! Мысли продолжали кружиться вокруг лимана и кладбища.

Глава 10

Законсервированный агент

Вадим аккуратно закрыл калитку, остановился в нескольких шагах от стряпающей под навесом жены. Как она изменилась! Похудела, лицо осунулось, во взгляде растерянность

и тревога, движения резкие, неловкие, будто дергается в лихорадке. Может быть, заболела? Или тут что-то другое? Чутье подсказывало, что второй вариант более вероятен. Но что могло случиться?

Вроде вся ее жизнь как на ладони. Муж, дом, сестренка. Себя, не задумываясь, ставил на первое место, знал – Лизка влюблена как кошка, жить без него не может. Он никогда не злоупотреблял, вел себя образцово. Такая курица, заикленная на бабьем счастье, была ему нужна для надежного тыла, а главное, образа крепкой советской семьи. Что за идиотское словосочетание – «крепкая советская», будто выдумали новый обряд, где Советы заменяют Бога в венчании на красный лад. Впрочем, на Бога было тоже плевать, слишком много лет отделяло от сладких, умильных детских молитв. Вся теперешняя жизнь – лишь декорации к большой игре. Самой важной в жизни. Чтобы не запороть, нужно быть внимательным к мелочам.

А тут еще такой прокол вышел с Водяным! Кто бы мог подумать, что гад в Крыму останется, где так наследил? Нахал! Это же надо, спрятался у всех на виду. И ведь сошло бы, если б не попался слишком ретивый участковый. Мишка Шпагин, сержантишко зеленый, в органах без году неделя, а на такого зверя вышел. Что значит дуракам везет!

Невольно представил себе мальчишку участкового. Высокий, молодцеватый, с усиками, как у гусара, девкам нравиться должен. Ретивый, старательный... Идейный до жути. Сам

в органы рвался «нечисть давить». Вадим выругался про себя.

С непривычным раздражением глянул на усердно раскатывающую тесто жену, на сбившуюся набок косынку, на покрасневший от натуги лоб, на испачканные в муке руки. Просто старательная кухарка, только и всего! Унизительно коротать жизнь со служанкой!

Когда задание будет выполнено и наступит заслуженный отдых, рядом будет единственная и достойная. Образованная и утонченная, способная понять и оценить всю грандиозность его личности.

...О том, что он умнее и талантливее других, Вадим узнал еще в гимназии; а окончательно убедился в разведшколе во Франции в начале тридцатых. Там сравнивал себя с лучшими из лучших, а не со всяким быдлом. Еще в юности прочил себе блестящую политическую карьеру, мечтал замахнуться на судьбы мира! Но где там; время шло, посредственности расхватывали лучшие куски, а он так и сидел законсервированным агентом в богом забытой дыре! Единственная надежда – «вечная явка» на углу Революции и Спиридонова, около кафе, в семнадцать ноль-ноль во вторую среду каждого месяца. Вот уже двадцать семь раз он рассчитывал встретить мужчину со свернутой в трубочку газетой «Правда» в правой руке и с развязавшимся шнурком на левом ботинке. «Извините, у вас шнурок развязался! Вы можете упасть!» Ответ: «Спасибо! Но я никогда не падаю на

ровном месте!»

Эти слова уже третий год вертелись в голове у Вадима; с каждой несостоявшейся встречей он всё отчетливее чувствовал себя заброшенным навсегда. И «вечная явка» казалась лишь отмазкой, чтобы создать видимость вовлеченности в дело. Дело, в котором для него давно нет места. Только опасность вечно жива... И любая случайность грозит провалом. Против воли, снова перед глазами предстал Водяной, арестованный пронырой сержантом. В его упыриным взглядом майору виделся собственный приговор. Узнал, безусловно узнал! Мельком виделись четыре года назад. Жаль, пес всегда помнит хозяина: сначала – чтобы подлизаться, потом – чтобы укусить. Мерзавец был хитер и осторожен, всё за собой утащить грозился...

Пришлось импровизировать, договариваться, организовывать побег. Планировал прикончить его при попытке к бегству, но и здесь просчитался! Оказавшись на свободе, тот сразу исчез, на дно залег. Сколько сил и времени понадобилось, чтобы выудить его из берлоги! Обложил, как волка, вынудил, чтобы сам приполз, и не пустой... С козырным тузом в зубах! Вадим вновь ощутил трепет предвкушения победы. Когда бомбили лихорадочно покидающих город немцев, бывший полицей сумел умыкнуть пару ящиков с архивами гестапо. Понимал, сволочь, что информация – главная ценность при любой власти. За нее можно купить покой, благополучие и даже жизнь. И один раз это удалось. Златов не

стал убивать Водяного во время тайной встречи на морском берегу, хотя ничего не желал сильнее, да и место было удобное. Его остановили две бумажки, образцы документов, завладев которыми, можно столько сделать... Аж дух захватывает. Досье на агентов – так, мелочовка, а вот расписки – это серьезно! Обязательства «честных советских граждан» служить Великой Германии, и не важно, кем они были в момент оккупации, главное – кем они станут, когда «вырастут»! Только не упустить их из виду, незаметно помочь – и в час икс предъявить расписочку!

Предчувствие большого, настоящего дела окрыляло. Тогда он точно отомстит этой проклятой стране, и дела его будут жить десятилетия! Как знать, может, и в далекий двадцать первый век прорастут плоды его труда! На сердце сделалось тепло. Ему всегда было мало чисто материальных выгод. Нужна идея, настоящая цель в жизни, без нее люди превращаются в животных. Он не такой, он настоящий суперчеловек, как у Ницше! А вне политики не бывает настоящих дел! Только глупые бабы этого не понимают.

Вадим презрительно посмотрел на жену и гордо расправил плечи. Это ли не начало большой игры?! Когда с ним выйдут на связь, на руках будет крупный козырь. Расписки еще очень скоро потеряют актуальность.

Вроде бы всё хорошо! И Водяной должен был оставить ящик в той заброшенной могиле. Чего только не дашь за шанс переправиться за кордон, особенно если под ногами

горит земля! Но оставались сомнения: не обманул ли мерзавец? Ведь после той ночи остался смутный, тревожный осадок.

Возможно, гад был не один, подстраховывал его кто-то, вел на расстоянии. Отчетливо вспомнил ощущение, будто кто-то следил. Теперь нужно выждать и не светиться на кладбище. Ведь лучшего места для тайника не придумаешь. Хотя очень хотелось ненароком взглянуть, не пытался ли кто выкопать клад.

Каждый раз, мысленно прокручивая ситуацию, Вадим начинал сердиться; вот и сейчас он раздраженно стукнул чашкой о блюдце, послышался звон, на белую скатерть упали коричневые капли. Лиза вскочила, кинулась вытирать; а муж с трудом сдержал ярость, будто его носом ткнули в собственное убожество. Он лишь жалкий шпион, вынужденный трястись за свою шкуру! Сколько таких же неудачников он выводил на чистую воду, чтобы подтвердить легенду! Злая ирония.

Во время войны игра шла по-другому, тогда было его время! Легко удалось внедриться в органы под видом майора НКВД Златова Вадима Дмитриевича. В совпадении имени и внешнем сходстве был знак судьбы. Тому упертому коммуняке не повезло, он по-глупому попался, да к тому же молчал, сотрудничать не хотел. Идейный придурок. Вадим сидел с ним в камере под видом другого пленного, присматривался, чтобы потом копировать манеры, ну и по ходу раскру-

чивал на откровенность. Лишь перед смертью тот попросил при случае передать матери и жене, что любил их и навестить собирался, и даже назвал предгорную деревушку в Крыму...

Вот так сантименты губят людей, даже умных. Если бы не необходимость избавиться от ненужных свидетелей, зачистили бы не это, а совсем другое село. Теперь никто не вспомнит настоящего Златова: фронтовые товарищи погибли в бою. Легенда была состряпана добротнo, и Вадим успел вжиться в образ, когда начинал свой путь от испепеленного «родного» села. Всё было продумано, чтобы партизаны приняли его за своего, но внутри шевелилась тревога.

Когда в бинокль увидел двух девчонок с нелепой большой корзиной, понял, чего не хватает. Ниточки правды в кружеве лжи! Кто-то лично не знавший Златова, но из родной деревни спасется вместе с ним. Откуда уверенность, что не местные?! На то и чутье спеца! Слишком уж они были неловкие, ну и одеты по-городскому. Командующий операцией выслушал соображения с ухмылкой. В любом малейшем отклонении от плана солдафон видел лишь свинскую расхлябанность, кретин! В разведке без импровизации нельзя! Как можно не понимать таких элементарных вещей? Вадим напомнил о собственных полномочиях и оберста дожал. Девчонок велено было «не замечать», хотя прятались они крайне неловко и даже корзину не сразу догадались бросить.

Затея много раз оправдала себя. Белокурая красотка и ее дурочка сестренка стали гарантом его честности. Любил ли

он Лизу? Об этом не было и речи! Просто она устраивала его во всех отношениях. Добротные декорации в спектакле жизни.

Вадим бесшумно подошел сзади, нежно обнял жену, поцеловал в щеку. Она вздрогнула, шарахнулась, скалка выпала из рук и с грохотом покатилась по полу.

– Что же так неаккуратно с главным женским оружием? – попробовал пошутить, наклоняясь, чтобы поднять скалку. Взгляд скользнул по измазанному землей подолу. Видно, где-то долго стояла на коленях и не отряхнула до конца. Он бегло осмотрел дворик, будто желая удостовериться, что тот по-прежнему полностью забетонирован, пристально посмотрел на Лизу, пытаясь угадать, где она могла испачкаться.

– Главное оружие женщины – это красота! – улыбнулась Лиза, потрясая в воздухе скалкой.

– Твое – конечно! Но не все так здорово вооружены! – Вадим усмехнулся про себя. Она действительно была в его вкусе – юная белокурая Гретхен, как на иллюстрации к старому немецкому изданию «Фауста». Красива, но глуповата и слишком проста, как и книжный прототип. Мало одной внешности, нужна изюминка, загадка.

Будто вспышка молнии. Загадка. А ведь Лизка изменилась в последние дни, будто скрывает что-то. Неужто увлеклась кем-то или чем-то?! Мысль, что жена не полностью под контролем, была неприятна, почти оскорбительна. Что могла отчебучить эта гусыня без его ведома? Надо выяснить по-

тихоньку, без сцен ревности.

– Здорово у тебя борщ выходит, молодец!

– Я старалась! Прости, с пирогом не успела. – Жена за-
смущалась, покраснела.

– Но у тебя ведь было достаточно времени, не правда ли? –
Помолчал, пристально посмотрел в глаза жене. – Что с то-
бой, Лизавета, ничего не хочешь объяснить?

Она испугалась, стала нервно перебирать скатерть. Сза-
ди скрипнула дверь. Лиза вздрогнула, обернулась. Во двор
вышла босая заспанная Серафима в белой ночной рубашке,
растрепанная и осоловевшая.

– Лизавета, ты здесь! Я весь дом обыскала, испугалась, что
ты опять...

Старшая сестра не дала договорить, с криком выскочила
из-за стола, потащила девчонку в дом одеваться, на ходу рас-
пекая за «глупые выдумки». Она принялась с остервенени-
ем напяливать на ребенка платице, еще толком не оправив-
шись от нахлынувшего ужаса. Дурочка чуть не выдала ее:
спросонья совсем плохо соображает. Вот напасть, надо было
самой разбудить Симку, а потом – держать всё время рядом;
тогда бы она спокойно ушла в свою игру и не привлекала
внимания. Вроде так и собиралась, но всё из головы вылете-
ло. Просто беда! Кошмар какой-то! Нет, это не самое страш-
ное! Самое страшное лежит там, в сарае, за старым ведром.
Всё равно что бомба, которая может взорваться в любой мо-
мент. Невольно вздрогнула.

Девочка недоуменно уставилась на нее, затем молча обняла, прижалась к груди.

– Ты ведь не уйдешь, не бросишь меня, правда?!

– Что ты мелешь, глупышка? Я всегда буду с тобой! – Произнесла и осознала, что это уже от нее не зависит.

«Если со мной что случится, Симку в детдом сдадут или в психушку! Нужно обезопасить себя, обратиться к кому-нибудь за помощью, рассказать всё, но по-тихому. Где только взять такого человека?»

Лиза с тоской оглядела маленькую детскую комнату. Плюшевый мишка на узкой кровати, старенький шкаф с пронзительно скрипящей дверцей, тонкая белая занавеска, распахнутое в сад окно, за ним чудесное персиковое дерево в розовых лучах заката. Маленькие золотистые плоды вот-вот дозреют. И вдруг осенило!

«Точно! Нина просила прислать персиков... Написать ей подробно обо всём и засунуть письмо в посылку. Она лучшая подруга, не выдаст, всё поймет!» Снова сделалось грустно, ведь помощи так вряд ли дождешься.

Почувствовала себя одинокой, как никогда прежде. Обняла девочку. Сзади скрипнула дверь, вошел Вадим, похлопал по плечам обеих сестер, спросил, всё ли в порядке.

– Конечно! – выпалила Сима. – Лиза любит меня и всегда будет рядом!

– Вот и славно! – вполне искренне произнес Вадим. Подумал, что пожизненная обуза в виде полоумной девчонки

отпугнула бы девяносто девять процентов мужиков. Ему же было всё равно; ведь эта жизнь временная, ненастоящая. Настоящая будет в маленьком тихом городе на юге Англии, где ждет старушка мать.

Она успела выгодно продать недвижимость в России и уехала с сыном еще в январе семнадцатого, в самом начале бури, не дожидаясь, пока всё снесет. Так ли уж она была дальновидна или посоветовал кто?

Впрочем, сейчас ему было не до воспоминаний.

Глава 11

Записка и новый тайник

...На следующее утро Лиза проснулась совсем разбитой. Весь вечер, как могла, убеждала мужа, что изнывает от тоски и скуки. Целый день в четырех стенах – так и свихнуться можно. Почему бы не найти какую-нибудь несложную работу? Она аккуратная, справилась бы. И далее в том же духе. Актерских способностей почти не было, но отчаяние подхлестывало, да к тому же она не врала, кричала о том, что наболело. Просто, не будь всего остального, никогда бы не решилась высказаться. А сейчас смогла, и неплохо. Вадим немного успокоился и даже обещал помочь.

«Ах, почему не высказала всего этого раньше? Тогда, быть может, не бегала бы по ночам, не искала приключений на свою голову».

Заботливо проводила мужа до калитки, задвинула щеколду. Замерла, прислушиваясь к шуму удаляющихся шагов.

Только бы не вернулся! Но вроде всё тихо. Опрометью кинулась в сарай, отодвинула ведро, потрогала сумку. С невольным отвращением вытерла пальцы о передник. Скорее бы избавиться от проклятого груза.

Лиза знала лишь одно укромное место, и располагалось оно на берегу того же злосчастного лимана.

«В разведку схожу вместе с Симкой, а переносить буду днем, пока она спит», – подумалось ей.

Старшая сестра быстро всунула ноги в туфли, повязала платок, а младшая всё никак не могла застегнуть сандалии, возилась, роняла в пыль белую панамку. Лиза нервно схватила ее за руку и потянула за собой. Девочка мешкала, спотыкалась, не могла угнаться за сестрой, хныкала. Лиза с трудом взяла себя в руки, пошла медленно, будто, прогуливаясь. Холодея от страха, обогнула кладбище, подошла к чахлому леску на берегу лимана. Девочка успокоилась, побежала собирать ежевику, и Лиза вздохнула с облегчением.

Вот заросли джиды; на ветках созрели маленькие сухие желтоватые ягоды с серебристым отливом.

В прошлый раз была здесь в мае сорок первого с одноклассником Сережкой Кузьминым, ей было шестнадцать, а ему семнадцать лет. Он с ученым видом объяснял, что джида – это дикая маслина, никогда толком не созревающая из-за слишком холодного климата. «Какой же он холодный! Сплошная жара с мая по октябрь!» – девушка засмеялась, пренебрежительно махнула рукой и бодро пошла вперед в

новых белых туфельках на каблучках; голубое платье развевалось, а сердце радостно рвалось из груди. Парень нагнал ее, неловко обнял, робко поцеловал в губы. Девчонка покраснела, вырвалась и, пьяная от счастья, бросилась бежать, но споткнулась о кочку и подвернула ногу. Сережка тут же подхватил захромавшую подругу, усадил на поваленное дерево, у корней которого зияла большая черная нора. Тогда, обнимаясь с парнем, она всё смотрела в эту яму, потому что стеснялась его глаз. Так и запомнила – желтовато-коричневые корни в комьях земли, темную дыру за ними и робкие поцелуи.

Роман не имел продолжения. На следующий день Лиза уехала на каникулы в деревню, а через месяц началась война, и всё смешалось. Кузнецов остался в оккупированном городе, стал подпольщиком и был расстрелян. «Отличный парень, герой!» Она поймала себя на мысли, что не может четко представить его лица, зато ветвистые корни и нора живо вставали перед глазами.

...Она обязательно найдет то место, только нужно быть внимательнее. Кажется, вот та самая крохотная полянка, заросшая сухой травой, овражек, пригорок. Только бревна не видно. Лиза заметалась в тревоге. Неужто потеряла, забыла?! Несколько раз обошла вокруг пригорка, заросшего густым колючим кустарником. Ни малейшего намека на яму. Может, ее закопали, но зачем? Значит, ошиблась местом – но этого не может быть! Ориентировка – Лизин конек. Отец,

восхищаясь дочкиной способностью всегда находить дорогу, посмеивался: «Зря болтают, будто бабы – тупые в топографии! Взгляните на Лизку, я ее сколько раз запутать пытался – никак! Даже крошкой, трехлетней всегда дорогу находила!» С удовольствием вспомнила, какая она была умница. Неужто с годами всё растеряла и притупилось чутье? Нет, ничуть! Разум был по-прежнему легок и быстр, даже сильнее стал, просто научился хорошо скрываться. Девушка закрыла глаза, сосредоточилась, представляя ту размытую временем картинку. Всё как сейчас, только не было кустов, значит, и нора на месте; просто ее не видно. Вот же она, почти под ногами, а отойдешь на шаг – ничего не разглядишь. Девушка обрадовалась, осознав надежность выбранного места. И здорово, что не стало поваленного дерева! Теперь никто не будет здесь сидеть и шарить взглядом.

Днем, уложив сестренку спать, взяв заветную сумку, лопату и краги, отправилась в рощу. Хорошо, что в послеобеденную жару на улицах так мало народу. В это время гуляют только курортники, но они предпочитают пляжи и парки. А здесь лишь чахлый лесок да заросший камышом берег лимана. Верно, приходят сюда лишь влюбленные, чтобы полюбезничать вдали от назойливых глаз. И всякие проходимцы, которым есть что скрывать. Вот как мне! Она покраснела, но не замедлила шага. Быстрее бы отделаться от проклятых пленок и вздохнуть спокойно.

Лиза довольно быстро отыскивала нужное место. Боязли-

во озираясь, положила сумку, надела краги, аккуратно раздвинула колючие кусты, облепившие пригорок. Ямка оказалась глубокой, до дна было не достать. Протолкнула внутрь коробку, предварительно засунутую в холщовый мешок; слышался глухой звякающий звук, клад исчез в глубине. Нащупать его рукой было невозможно. Сорвала с себя огромные перчатки, вытерла пот со лба. Облегченно вздохнула.

Душой овладевал неведомый раньше отчаянный задор. Лиза живо представила лицо мужа, когда он не найдет в чемодане самого главного, истерически хихикнула и испуганно зажала ладонью рот. В том, что коробочка и есть та изюминка, ради которой всё затевалось, она не сомневалась ни минуты. Бумаги – это, конечно, здорово, но куда он попретсЯ с таким грузом? Запалится вмиг. Поймала себя на мысли, что думает о муже как о предателе. «А если всё не так?! Как убедиться? Может, положить в ящик записку, как будто бы от Водяного? Назначить встречу от имени его сообщника? Как поведет себя Вадим?» Девушка задохнулась от головокружительного ужаса. Ведь если муж придет на встречу, то он точно виновен. Интересно, за что бывший полицейА мог заплатить офицеру МВД, да еще так щедро? Вадим – предатель, шпион, агент! Но она должна убедиться в этом сама и разобраться, если потребуется. Лиза понятия не имела, как именно будет разбираться и к чему это приведет. Просто страшно было подумать, что в дела ее семьи будут лезть чужие люди. Она всё цеплялась за надежду, что чудесным

образом выяснится невинность мужа. Ведь, если любишь, нужно верить человеку, несмотря ни на что. Так учили с детства добрые книги. А жизнь учила, что с предателями разговор короткий, иначе ты сам – враг. Вроде всё понятно, но ясности никакой!

Молодая женщина резко остановилась, вытащила из сумки блокнот, в котором прилежно записывала все хозяйственные дела на текущий день, и открыла его на чистой странице. Огрызок химического карандаша тоже был под рукой. Осталось придумать нужные слова. «Куда его пригласить, чтобы совсем не подставляться? Я часто хожу с Симкой в детский парк и в кафе-кондитерскую... Если он увидит меня там, это не будет сильно подозрительно!»

Лиза старательно вывела печатными буквами:

ВАДИМ!

ТЫ НЕ ЭТО РАССЧИТЫВАЛ НАЙТИ?!

НАМ ВСЁ ИЗВЕСТНО, ЗРЯ ТЫ ТАК С ВОДЯНЫМ!

**УВИДИМСЯ В КАФЕ НА УГЛУ РЕВОЛЮЦИИ И СПИ-
РИДОНОВА В СРЕДУ, В 17:00.**

Рука дрожала, буквы выходили кривыми и робкими, текст – неловким и детским. Но время было выбрано не случайно: в этот час Вадим всегда на работе и, если окажется в кафе, значит, пришел специально. Дату не указала тоже умышленно, ведь неизвестно, когда записка найдет адресата и случится ли это вообще... Но с Симкой она время от времени ходит в кафе поест пирожных, там готовят вкусные корзиночки с

кремом, сестренка так радуется им, улыбается, как нормальный ребенок... Муж знает об этом и никогда не возражает, так что прогуливаться можно будет до конца осени. Зимой девочка легко простужается и долго болеет.

При мысли о наступлении холодов вдруг сделалось зябко; представились ярко-красные листья на первом мокром и тонком снегу и промозглый ветер с моря, пробирающийся до костей. Всё было ясно и ощутимо, и в то же время зима никогда еще не казалась такой далекой и недоступной. До нее нужно дожить, а это как карта ляжет... Ведь война еще не закончилась.

Лиза поправила на голове косынку, со злостью дернула страничку с запиской, нечаянно прихватив и следующий, чистый листок. Скомкала ненужную бумажку, с раздражением швырнула в кусты и зашагала в сторону кладбища.

Во второй раз с раскопками управилась гораздо быстрее и действовала внимательнее. Вся дрожа, Лиза сунула записку в чемодан. Кое-как, торопливо забросала яму землей и побежала к лиману.

Вот уже рощица рядом, но... сквозь заросли джиды показался молодой мужчина с черными усами, который придиричиво осматривал кромку воды, будто обронил что-то ценное. От страха Лизе едва не сделалось дурно; она опустилась на колени и притаилась, прижимаясь к тонкому оливковому стволу. Только бы не заметил!

Кажется, Бог услышал мольбу, и незнакомец стал медлен-

но удалиться по краю лимана. Когда он окончательно скрылся из виду, девушка с трудом поднялась и, спотыкаясь, побрела домой. .

Дома Лиза в первый раз за всё время замужества не стала готовить обед, а принялась за письмо подружке Нине в Москву.

Глава 12

На поиски прошлого в настоящем

Герман первым нарушил тягостное молчание:

– Давно не приходилось читать писем с того света! Отличный бы вышел материал. Так и вижу название: «Если вы это читаете, значит, меня уже нет в живых».

Дюкова гневно звякнула ложечкой.

– От тебя я ждала что-нибудь поумнее!

– Простите, просто есть такая привычка – прикалываться, чтобы скрыть свои чувства...

– Избавляться нужно от вредных привычек!

– Я стараюсь! А история вышла грустная: жила девчонка с иностранным агентом, засланным еще во время войны, счастливо, нужно заметить, жила. Тишь, да гладь, да божья благодать! А тут бах – и тайное становится явным! А она верить не хочет, вытеснение, как я уже говорил! Мечется, глупости делает, нарывается. Ему ничего не остается, кроме как укокошить ее. Закон джунглей, ничего не поделаешь!

– Хватит ерничать! – осадила Германа хозяйка. – История, конечно, грустная, но это не главное! Был еще архив

и клад, между прочим, тут можно было бы такой материал состряпать! На нынешнем патриотическом подъеме на ура пойдет! – Улыбнулась и с вызовом посмотрела на собеседника.

– Ура-патриотизм не мое амплуа! Мне идеи потоньше нужны, повозвышеннее! И потом, эти восторги с присоединением Крыма достали уже! А тут получится сюжет про наших патриотов в Крыму. Просто тошно! Хватит политики!

– Вне политики жить могут только младенцы и блаженные, которые в социум встроиться не могут, – парировала Дюкова.

– И не думаю встраиваться или подстраиваться! И вообще, пресса должна быть независимой! – запальчиво начал Герман.

– Независимая пресса! Очередной симулякр! А пресса бывает двух видов: зависимая от внутренней власти и зависимая от внешней! – ухмыльнулась Дюкова.

– Это в вас советское воспитание говорит!

– Ты, наверное, хотел сказать «совковое»! Ты не менее напигован идеологией, чем мы в свое время. Просто не повторяй ошибку той бедной девочки, чью сбивчивую исповедь только что читал. Она отказалась выбрать между «своими» и «чужими», но у нее было оправдание – любовь!

– Хорошая фишка для женских журналов!

– Подождите, не ссорьтесь! – мягко вмешалась Таня. – И не нужно потешаться над той, которая давно умерла! Она

здесь просит о помощи, которую так и не получила!

Девушка говорила тихо и уверенно, ни капли не боясь прослыть простушкой, не понимающей возвышенных речей.

Дюкова так и не высказала готовую сорваться с языка колкость, а только посмотрела на гостью – сначала удивленно, а потом с уважением.

– Вы правы, деточка! Пляски на могиле – это мерзко! Так что же вы хотели предложить, какая помощь нужна покойнице?

– Восстановить правду, честное имя... ну, выяснить проклад, в конце концов!

– А что, это идея! Особенно если начать с последнего пункта! – резво начал Герман. – Самое главное-то я и упустил! А ведь наверняка вы, Наталья Владленовна, пытались что-то узнать про это, ведь так?! Признавайтесь!

Хозяйка молча налила себе еще чаю, потом встала, чтобы зажечь плиту и поставить на огонь чайник.

Молодежь следила за ней, затаив дыхание.

– Что же, тут ты прав! Едва похоронив мать, я кинулась выяснять подробности. Уже тогда хотела написать для женского журнала что-нибудь захватывающе психологическое, а это чем не материал? – Грустно прикусила губу и, вздохнув, продолжала: – Я исходила Евпаторию вдоль и поперек, нашла домик на Хлебной улице. На тот момент там жили посторонние люди, ни разу не видевшие прежних жильцов. Я излазила весь берег лимана с рощицей и обошла все

три кладбища. Нашла заброшенную, заросшую высокой травой могилу Елизаветы Златовой. Даты жизни 1925–1947 и овальное серо-желтое фото – смеющаяся, солнечная девочка, само обаяние, сама весна! В землю легла рядом со своей тайной. Эта мысль всё из головы не выходит. И личико как сейчас перед глазами стоит. Действительно, Танечка, вы на нее очень похожи! Вот причуды судьбы! Или знак свыше?

Герман нетерпеливо перебил:

– То есть, если откинуть судьбу и знаки, вы больше ничего не узнали?

– Отчего же! Кое-что выяснить всё-таки удалось. Известно, что Вадим был расстрелян в пятидесятом. Но после смерти у него ни с того ни с сего появился «наследник»! Не то друг, не то родственник, который прибрал к рукам нехитрые вещички и сумасшедшую девочку. «Тоже мне, богатство, одна обуза!» – скажете вы. И будете правы. Значит, был другой мотив. Лучше всего сюда вписывается клад, который, выходит, так и не был найден.

– Вы же наверняка пытались найти тот заросший кустами холмик, не так ли?

– Конечно! Там рощица в несколько гектаров и видимо-невидимо кустов! О холмике и говорить нечего! Их там без счёта! Поверхность неровная, сплошь бугры и ямы.

– Да уж! – задумчиво протянул Герман. – Выходит, Лиза не оставила ни одного точного указателя места. Нелогично как-то! Полагаю, Вадим и его дружки тоже так считали. По-

лоумную Симочку берегли, как единственный ключ к разгадке. А она до того глупа, что силой и угрозами из нее инфу не выбить, просто не поймет, чего хотят. Если только случайно в больном мозгу что-то замкнет, тогда выболтает просто так, и все вокруг решат, что это бред! Вот и понадобился наблюдатель, но промашка вышла, фактор времени не учли!

Молодой человек так увлекся собственным полетом мысли, что перестал обращать внимание на собеседников и замолчал, лишь выплеснув на окружающих все идеи. Как запыхавшийся бегун после марафона, он жадно пил остывший чай и с любопытством разглядывал Татьяну.

Теперь настал ее черед.

– А у меня как раз есть тот самый указатель! Лиза спрятала его в единственно возможное место, где сестренка при любых обстоятельствах сбережет, а никто посторонний не найдет.

Собеседники так и замерли от удивления с чашками в руках, а она спокойно и четко рассказала, как решила постирать мишкину одежку и нашла некое подобие схемы.

Посмотрев на фотографию каракуль в смартфоне, они, правда, немного приуныли, но ненадолго.

Хозяйка убрала со стола опустевшую коробку из-под конфет.

– Итак, все молчат! Какие будут предложения? Кто за то, чтобы серьезно заняться этим делом? Что скажешь, Герман? Клад не обещаю, но «жареный материал» выйдет обязатель-

но! Даже помогу его правильно пристроить! Ну как, докажешь, что можешь работать, или... испугался трудностей?

— А у вас какой интерес? — вскинулся Герман.

— А что, обязательно искать выгоду? Мы были не так воспитаны. Просто хочется завершенности. Будто должна довести дело до конца. Танюша права, это дело нужно завершить, тем более что все концы сходятся у нас в руках.

— И в этом видится знак свыше, благословение небес! — подковырнул молодой человек. — Болтовней про Бога люди испокон веков снимают с себя ответственность за принятые решения! Не будем вдаваться в мистику! Лучше обсудим план. Нужно сгонять в Евпаторию, всё там заново осмотреть. Соотнести рисунок с местностью. Желательно, конечно, взять с собой старушку, поводить по родным местам: вдруг что-нибудь да вспомнит?

Таня поморщилась, представив себе, как будет водить за собой Серафиму по сильно изменившемуся городу. Хотя она, вероятно, сможет что-то узнать и вспомнить.

— Разве можно тащить Симу в такую даль?

— Вот! Уже говоришь «Симу»! Значит, вжилась в образ старшей сестры! А за «Лизой» она пойдет хоть на край света! Даже более того, ее теперь одну не оставишь! Она умрет с горя, снова потеряв сестру! Так что придется «отвечать за тех, кого приручила»!

Таня испуганно всплеснула руками, впервые до конца осознав положение вещей. Герман, в восторге от собствен-

ной проницательности, продолжил:

– Думаю, со старушкой проблем не будет! Так едем все вместе! Втроем: я, ты и Симочка! – Герман с вызовом посмотрел на Таню.

– Но... я не уверена, что нужно так спешить! – смутилась девушка.

– Ничего себе спешка, семьдесят лет прозевали! А что там не будет пиратских сокровищ – не плачь! Информация – главный фетиш современности, всё вокруг него крутится! В данном конкретном случае мы имеем серьезный компромат на мертвецов! «Что за чушь!» – скажете вы и будете не правы! Он с вызовом глянул в ясные голубые глаза и не нашел в них и тени смущения, а только праведный гнев и силу.

– Вот и не скажу! Но словесные игры и желание прославиться мне до фонаря! А правда и справедливость – да, важны, пусть даже по отношению к мертвым! – с вызовом ответила Татьяна.

Герман не сразу нашел что ответить, но в душе вместо обиды шевельнулось уважение. «Хороша штучка! Здорово играет! Сколько экспрессии! Прямо Жанна д'Арк!»

– Справедливость, правда – глупость какая! – криво усмехнулся молодой человек. – Ну да ладно! Из такого материала можно действительно немало вытянуть! Ведь не все покойники мертвы окончательно! Для оживления блога – это то, что надо! Вести расследование и фигачить посты в режиме реального времени – так можно набрать просмотры и

подписчиков!

Татьяна брезгливо поморщилась. Герман почувствовал ее отвращение. Нахрапистость и цинизм обычно нравились девкам. А эта Танька, видимо, думает по-другому, и вся-то она какая-то другая, непривычная! Настоящая!

От такого открытия настроение его заметно упало. Герман с неприязнью посмотрел на обеих женщин. Они решают сами, а он нет. Родительская опека удушлива, как тяжелое, жаркое одеяло. Как надоело, когда всё решают за тебя и за ручку ведут по жизни. Даже Дюкова – и та мамина подружка по институту, которую попросили наставить беспутное дитятко на путь карьерный. Он вырвется, обязательно вырвется! Тем более фортуна подкинула такой шанс! Этот клад и прочая галиматья – классная возможность действовать самому.

«Дюкова наверняка туда не попрется, ведь в Крыму жарко, а следовательно, ракоопасно. Все эти тетки за пятьдесят повернуты на здоровье и долголетию! Трясутся над собой, как скупердяй над копейкой». Герман расправил плечи, с наслаждением ощутив молодое, сильное тело.

Наталья Владленовна, звякнув чашкой о блюде, спокойно проговорила:

– Итак, молодые люди, вы, вижу, договорились совместно искать прошлое в настоящем! Да, именно так! Это и есть самое интересное. Зря морщитесь, потом поймете, что я права! Вы славно дополните друг друга! Тебе одному, Герман, я

бы дело не доверила, и можешь на меня так не смотреть! Сам знаешь почему! – Она посмотрела на него так насмешливо, что Герману, вероятно, пришла мысль сделать с ней что-то нехорошее.

Хозяйка поднялась из-за стола, взяла забытую всеми бутылку кьянти.

– Открывай, мой мальчик, не хмурься! Выпьем за успех дела! Впереди твое боевое крещение!

Герману хотелось в сердцах швырнуть бутылку об пол и послать старую надутую курицу куда подальше. Но вместо этого он стал старательно ввинчивать штопор в пробку, стараясь унять дрожь в руках. Он ненавидел подобное обращение, но понимал, что лучшего не заслужил. Что-что, а с собой он умел быть честным, и это давало надежду вырваться. Сопливый щенок с отличной родословной, интеллигент в пятом поколении. Блестящий эрудит со свободным английским, вскормленный с фамильных ложек с вензелями под сенью генеалогического древа, он «ничего не сделал в жизни сам». Насмешливые слова из детской песенки так и звенели в ушах. «А почему? А потому...»

Темное вино медленно полилось в бокалы.

– Мне совсем чуть-чуть, только ради символа! – замахала рукой Татьяна. – Я не пью!

«Ну и не пей, если такая правильная!» – Рука Германа дрогнула, бордовые капли покатались по столу.

– Итак, за успех! – провозгласила хозяйка, поднимая бо-

кал.

Чокнулись, помолчали.

Татьяна с любопытством пригубила терпкий напиток. Ни в студенческих компаниях, ни дома столь дорогие вина не покупали, и теперь, впервые попробовав, девушка была удивлена и разочарована. «Отдавать кучу денег за такую гадость – это кем надо быть?! Зажравшимися воображениями, как Герман! И куда только подевались нормальные парни!»

– Танечка, когда у тебя начинаются каникулы? К пятнадцатому успеешь сдать сессию? – деловито поинтересовалась Дюкова.

– В общем, да, с экзаменами успею. Но там еще практика... – неуверенно протянула девушка.

– Это можно отложить на пару недель, – не терпящим возражений тоном заявила хозяйка. – Итак, мой мальчик, через Интернет закажешь три билета на самолет до Симферополя! С учетом бедной старушки! Должно быть не очень дорого!

Девушка вздрогнула. «Не очень дорого» – это для них; ей же никто не даст денег на отдых у моря. И вообще, летом она собиралась подрабатывать... «Как же быть? Признаться во всем этим богатым задавакам? Ни за что! Даже если помогут, презирать будут, смеяться. Может, у Федора попросить? Он же получает Симкину пенсию, тысяч тридцать, не меньше... За вычетом квартплаты и покупки продуктов, остается добрая половина!»

Дюкова, увидев несчастный Танин вид, сообразила, в чём

дело:

– Мать с отчимом не поймут, зачем тащить бабуся к морю ни с того ни с сего? Удивятся, к чему лишние, ненужные траты? Я права?

Девушка покраснела.

– Послушай моего совета! – уверенно продолжала хозяйка. – Просто скажи, что едешь с молодым человеком; любая мать одобрит такое знакомство! Покажи ей Германа – не прогадаешь! Интеллигентный, воспитанный, с таким отпускать дочку не страшно, а что до бабушки, так ты просто не можешь оставить ее одну. Ответственность всегда вызывает уважение, поверь моему опыту, и все лишние вопросы отпадут сами собой. А билет Серафиме я оплачу, это будет мой взнос в общее дело!

– Наверное, вы правы! Спасибо! – только и сумела вымолвить вконец смущенная девушка.

Глава 13

Начинающий пинкертон

Участковый уполномоченный старший сержант Михаил Шпагин принялся в третий раз переписывать отчет о попытке ограбления продуктового магазина на вверенной ему территории. Ну не умеет он правильно мысли формулировать, да и можно ли чему-то толком научиться на ускоренных курсах спецподготовки? Смех, да и только! После такого образования больше вопросов, чем ответов... Старшие потешаются: «Недостающее на практике доберешь!» Легко

сказать! Михаил вытащил из кармана смятую пачку «Любительских» и закурил. Раздражение не проходило, перо с неистовством резануло по бумаге, и та порвалась. Отчет о неудачном ограблении продмага на Вокзальной снова испорчен. Чёрт, как надоело! Дело неинтересное, убогое какое-то. Ну разбили витрину двое неизвестных, ну оглушили сторожа, украли пять бутылок водки и три банки тушенки, после чего скрылись в неизвестном направлении. Ищи их теперь, свищи! Скукота и, главное, глупость несусветная!

Не о таком Мишка мечтал, когда в милицию подался. В общем-то, он сразу хотел в госбезопасность, шпионов ловить, врагов настоящих, а не за мелкой шоблой гоняться. Ну как же, рылом не вышел. Образование – семь классов, в армии меньше года, комиссован по контузии, и наград никаких... Парень всегда закипал, когда вспоминал эпопею с трудоустройством. Голова даже болеть начинала. Как он мог больше служить, если оккупацию сняли только весной сорок четвертого, а он в начале войны совсем малолеткой был, пятнадцать всего; такого разве возьмут?! И еще – начальникам крутых спецов подавай, героев, желательно из разведки, а он где служил?! Правильно, в артиллерии рядовым, на точке стоял с прожектором, и по совместительству кашеваром. Хорошо хоть про это не вспомнили, когда личное дело под микроскопом смотрели. А ведь ничего плохого в этом нет, надо же кому-то жратву готовить, а Мишка – новенький и самый молодой. Счастье, что старшина по-отечески отнесся, учил

житейским премудростям, опекал помаленьку. Похлебку показывал, как готовить по-суворовски. Это разные крупы и всё, что попадется, вместе варить; выйдет вкусно и питательно. Суворов для своих солдат придумал во время перехода через Альпы. Признаться, до этого Мишка фамилию полководца ни в жизни бы не вспомнил, ибо по истории тройку имел «с большим натягом»; скуку эту, покрытую пылью и плесенью, терпеть не мог, а тут как старшина начинал очередной рассказ, так слушал, разинув рот. А еще – на новый, сорок пятый год шикарный подарок сделал: ножик складной с узким лезвием и деревянной ручкой. Мишка по сей день его в кармане носит, хлеб на работе режет. Хороший был дядька Максимов, жаль, снайпер немецкий достал в Берлине, уже после победы! До слёз обидно, вот судьба-гадюка! А старик верил в эту заразу, ладанку деревенскую на удачу носил, перед смертью Мишке как главное наследство передал. Рука нащупала под кителем шаркунок. Понятно, глупость и суеверие, но всё-таки память о фронтовой дружбе.

Шпагин амулет на шнурочке всегда под рубашкой носил, стеснялся, конечно, что заметят – засмеют, но снять и бросить – это всё равно что товарища предать. И прав был старшина, удача полегоньку улыбаться стала. Ясно, всё это чушь и лапша на уши. Но всё-таки, не будь судьбы, никогда бы ему, салаге сопливному, Водяного не выловить! А как всё случилось – любо-дорого вспомнить. Только участок вверили – Мишка за дело принялся, все подозрительные квартиры обо-

шел, с ненадежным элементом пообщался, воспитательную типа работу провел, а они ржут в глаза, сволочи, и что делать, не ясно! В отделение прибежал, к старшему оперу Пospelову за советом; он мужик-то свойский, невредный, а тут, как назло, занят по уши оказался. Иди, говорит, материалы у меня на столе разбери, в порядок приведи! Мол, если с головой за дело возьмешься, много полезного для себя найдешь. Еще и схохмил: почти музей криминалистики, какие для вас, новичков, в больших городах открывают. И дверью хлопнул. Мишка поначалу обидеться хотел, но потом за работу взялся; захватило его! До самого вечера просидел и на дне ящика потрепанную, заляпанную чернилами фотографию откопал. Тут как раз Pospelов вернулся, на карточку глянул и говорит: «Это Водяной, бывший полицей, много наших угробил, гад! Как мы его искали – и сразу, как город освободили, и потом... Без толку. По слухам, видели его пару раз, но... Потом решили, что вообще из Крыма сбежал или порешил его кто по-тихому. Дело в архив сдали, а карточку оставили на всякий случай». Мишка фотографию к самому носу поднес, вгляделся. Харя будто знакомая. Особенно глаза – мутные, водянистые, и такое чувство, будто сам глядел в них, и недавно... Талантов выдающихся Бог парню не дал, кроме одного – памяти на лица. Любое лицо мог узнать, даже раз увидевши. Правда, от способности такой в жизни проку мало, не в художники же подаваться?..

Зажмурился тогда Мишка, напрягся, аж голова разболе-

лась. Пospelов окликнул: «Ты чего, заболел?» «Точно, заболел, заболел... больная старуха, конечно!» И выпалил:

– Я видел его сегодня! На улице Горького, семь, на первом этаже квартира двухкомнатная, отдельная, всего одна бабка живет. Еще поинтересовался, почему никого не подселяют, а мне ответили, что психбольная она, по закону право имеет на жилье. Тогда пошел проверить, не опасна ли для окружающих; этим шизанутым мало ли что в голову взбредет, а мое дело – порядок охранять! Познакомился; старуха вроде по документам древняя, а ходит уверенно, в черном платье до полу, голова платком замотана, как у монашки, но глаза те самые, водянистые! – Пальцем по карточке постучал.

Пospelов сразу посерьезнел. «Если ничего не путаешь, быть тебе хорошим ментом!»

Как впоследствии оказалось, правильно догадался новичок. Под видом сумасшедшей бабки скрывался Водяной, а настоящую старуху порешил он еще в сорок четвертом, когда немцы уходили. Всё рассчитал: родственников у убогой никаких, да и людей всегда сторонилась, черные закрытые одежды носила, так как сильно верующая была. Подмена прошла как по маслу; и жил бы полицейай себе припеваючи, если бы не новенький участковый.

У Мишки аж сердце подпрыгнуло от радости, когда Водяного действительно взяли. Сам начальник отделения милиции товарищ Златов к себе вызвал, похвалил за рвение и наблюдательность. Парень даже размечтался, что жизнь по-

другому пойдет, только зря надеялся. На этом дело и кончилось. Завертелись тяжелые будни. И забыл бы Шпагин свои амбиции, если бы не новость о побеге и убийстве Водяного.

Он должен распутать это дело! Во что бы то ни стало должен! Чтобы всем доказать, что годен для серьезной работы. Да, мальчишество, да, попытка с негодными средствами, но он упрямый, если решил чего, ни за что не отступится.

Шпагин горько усмехнулся, смял папиросу, вынул из папки чистый лист и принялся заново торопливо и косноязычно излагать на бумаге обстоятельства дела. Писать не любил он еще со школы, ну не его это, хоть тресни! А начальник к каждому слову придирается, ошибки выискивает и носом тычет, как первоклашку. Он – солдат, страну защищать должен, а не бумагу марать!

«Ничего, всё еще получится! Смотаюсь минут через сорок опрашивать свидетелей по налету на магазин, а там...» Настроение заметно улучшилось, ведь на обратном пути можно «случайно» пройти через лиман и снова (в восьмой раз) осмотреть место преступления. Хотя где-нибудь, но убийца должен был оставить след! Почему? Да просто потому, что ему обязательно должно повезти. Ведь зло должно быть наказано.

Через два с половиной часа после долгого, нудного и бесплодного разговора с бабкой, жившей неподалеку от продмага на Вокзальной, Шпагин зашагал в сторону лимана. Солнце плавило потрескавшийся асфальт, знойный ветер бросал

пыль в лицо, на душе было муторно. Не проходило раздражение на горе-свидетельницу, скорее желавшую посплетничать и привлечь к себе внимание, чем помочь следствию. «Черная машина вильнула хвостом и скрылась за углом». Хрень, да и только!

Мишка решил пройти к лиману через кладбище. Почему-то не оставляла уверенность, что преступник шел именно этим маршрутом. Скромные пыльные оградки, старушки в черных платках скорбно хлопчут у родных могил. Узнал одну худенькую, высохшую бабу; она сидела, уставившись на обелиск с красной звездой, неподвижная, как и в предыдущие дни. Прямо старая знакомая! Захотелось поздороваться или просто кивнуть. Шпагин остановился в нерешительности, его тень упала на фото веселого парня в фуражке с якорями. Несчастливая мать обернулась, посмотрела мутным, недобрый взглядом.

– Зачем ты здесь? Всё ходишь, а мой в земле лежит! Живой, зря тревожишь мертвых, зря! Шляешься тут каждый день без дела, как та девка беловолосая, что повадилась сюда! У ней здесь тоже никого нет, без толку покойников тревожит! Не к добру!

Молодой человек поперхнулся заготовленным приветствием, кивнул виновато и побрел прочь. «Совсем свихнулась от горя, бедняга! Единственного сына война забрала... Кстати, что за околесицу несла про какую-то блондинку, что приходит на кладбище «просто так»? Ох, не нравится мне

это «просто так»!»

Смутное предчувствие долгожданного успеха окрылило, вернуло веру в себя. Конечно! Искать нужно не улики на земле, а человека! Вот в чём соль!

Он оторвал взгляд от затоптанной каменистой тропинки и огляделся, выискивая легкую женскую фигурку. Как назло, никого! Действующее кладбище закончилось, впереди раскинулся поросший колючей травой пустырь; кое-где торчали разбитые каменюки заброшенных караимских надгробий, а впереди – чахлая рощица и мутные, желтые воды лимана.

Оперативник зашел в лесок; но тень от низких, редких деревьев не дает прохлады: кругом бугорки сплошь в колючих зарослях ежевики. Ветки кое-где помяты, поломаны, особенно внизу; видно, ребяташки прибежали полакомиться спелыми черными ягодами. Михаил сорвал несколько штук, попробовал, задумчиво посмотрел под ноги, выискивая какой-нибудь мусор. Чуть правее, у подножия узкой кривой джиды, белел скомканный блокнотный листок. Милиционер наклонился, поднял бумажку; на первый взгляд – вроде чистая, но он глянул на свет. Проступили отпечатки кособоких, встревоженных букв, собравшихся в следующий текст:

...ИМ!

ТЫ... ЭТО ...СЧИТЫВАЛ НАЙТИ

НАМ ВСЁ ИЗВЕСТНО, ...ТАК С ВОДЯНЫМ!

.., УВИ...Я В ...ФЕ НА УГЛУ РЕВ...ИИ И СПИ...НОВА

В СРЕ... В 17...

Михаил опешил. Записка явно связана с Водяным, и встреча назначена вполне конкретно, но... весь текст какой-то взбалмошно-детский или, скорее, женский, отдающий дешевым романом. Нет, не мог преступник накатать такую маляву, ни-ког-да! Мишка отчеканил про себя это слово – «никогда». Скорее всего, розыгрыш или детская игра, а что касается места убийства и клички «Водяной», так их мусолит вся Евпатория!

Сердце пронзило острое разочарование. Забавлялись юные пинкертонеры, мать их! Даже время назначили!.. И кому это «им» адресована вся эта хрень?

Шпагин выругался, растоптал папиросу, сплюнул с досады, сунул бумажку в карман и свернул к лиману. Огромное мутно-желтое, разогретое солнцем болото. Прошел вперед по кромке метров сто и остановился. А что если убийца приплыл на лодке или пришел вброд (глубина вполне позволяет)? Он до слёз вглядывался в искрящуюся водную гладь, но ничего толком не мог придумать. Вместо ясных мыслей наваливалась сонная, знойная одурь; захотелось присесть – всё-таки с шести утра на ногах. Мишка поправил фуражку, встряхнулся и поплелся назад. Вдруг из рожицы выскользнула молодая женщина в белом платке с пустой хозяйственной сумкой в руке и резво побежала к кладбищу через пустырь. Дремоту как рукой сняло, ноги сами перешли на бег. Вот она, «беловолосая девка», что тревожит мертвяков без дела! Ох, молодец бабка, подсказала!

Участковый сократил расстояние шагов до пятидесяти. Красотка неслась вперед, ни разу не обернувшись, будто опаздывала. Он свернул вслед за ней на Хлебную улицу и, держась на расстоянии, проводил взглядом до калитки. Затем не спеша приблизился, взглянул на зеленый забор и аж присвистнул от удивления. Невозможно было ошибиться, здесь жил сам товарищ Златов!

Однажды в начале весны Михаил сопровождал Пospelова, который должен был занести начальнику документы. Казалось бы, плевое дело: отдал бумажки и пошел. Ан нет! Шпагин тогда битый час ждал друга на улице. Всё поблизости исходил вдоль и поперек. Даже в нетерпении разок заглянул через невысокий зеленый штакетник, будто так можно было поторопить Николая. Глупо, конечно! Зато дворик разглядел – аккуратненький, ровно забетонированный и чистый-пречистый, словно вылизанный.

Участковый удивленно огляделся по сторонам, затем перегнулся через заборчик. Ошибки быть не могло. Та же самая чистота, красота, куда там Мишкиной комнате. «Что же это выходит? Неужто блондинка, бегающая по кладбищу и пустырю, жена самого Златова? Быть такого не может!»

От напряжения вмиг разболелась голова – сказывалась давнишняя контузия. Участковый сжал пальцами виски, стараясь заставить голову работать. Никакого эффекта. Наверное, правильно, что его не хотели брать. Не нужны в милиции инвалиды!

Прижался к прохладной каменной стене соседнего строения, отдышался немного. Нужно обязательно убедиться, что не перепутал дом и что подозрительная баба – жена самого майора. А дальше уже разбираться, что к чему!

Закурил, чтобы унять нервную дрожь. В нерешительности потоптался у калитки, привстал на цыпочки, заглянул через забор. Блондинка уже успела надеть фартук и принялась подметать и без того чистый дворик.

Михаил собрался с мыслями и нажал кнопку звонка.

– Кто там? – спросил встревоженный женский голос.

– Я к Вадиму Дмитриевичу! – У него получилось как-то робко, будто спросил простой человек, а не облеченный властью сотрудник органов.

Послышались торопливые шаги, скрипнула щеколда. Теперь он видел ее вблизи. Бледная, взволнованная или даже напуганная, но по-настоящему красивая.

– Мужа нет дома, он на работе. Что-нибудь передать?

– Нет, ничего, спасибо! Попозже зайду!

Шпагин, как оглушенный, медленно зашагал вниз по улице, чувствуя на себе ее тревожный взгляд.

Жена Златова! Ну и ну! Хотя что тут такого?! Ну заходила в рощицу, болталась на кладбище, и что с того?! Может, у нее привычка такая – гулять по кладбищу в самую жару. Подобное предположение вызвало улыбку. «Любому поведению должна быть причина. А нелепому поведению – веская причина! Мотив, понимаешь?!» Вспомнились наставления

Поспелова. Итак, поставим вопрос по-другому: что она делала в безлюдном месте в такое гиблое время, да еще несколько раз? Может, на свидание бегала? А что? Такая красotka всякому понравится, а муж на работе чуть не круглосуточно пропадает. Внутренне усмехнулся, представив начальника «с рогами». Версия, конечно, так себе, но имеет право быть. А если не это, то что? Сердце заколотилось от предчувствия удачи. Может, вот она, ниточка, дернув за которую можно вытянуть крупную рыбу? Только не переусердствовать. Есть над чем подумать! Ведь, если замешана жена, муж не может быть совсем ни при чём!

Сделалось не по себе: слишком уж мутная картина вырисовывалась. И потом, товарищ Златов вне подозрений! Настоящий герой, пятнадцать лет в органах, служил в Симферополе, во время оккупации примкнул к партизанам. Говорят, семья у него была, да всех немцы расстреляли. Михаил вздохнул. Поэтому и не вернулся майор в родной город, в Евпатории остался, на местной девушке женился. Жизнь начал заново.

Сержант вытер пот со лба, поправил фуражку; голова туго ныла, не желая выдавать ни одной путной мысли. На углу около гастронома торговали газированной водой. Ужасно захотелось пить. Не мелочась, взял два стакана, первый выпил залпом, сделал глоток из второго и засмотрелся на веселые пузырьки, выпрыгивающие из прозрачной влаги. Хорошо вот так пить газировку и никуда не спешить! Прямо как

в кафе! Усталые мозги едва шевелились. Где-то сегодня уже упоминалось кафе. Но где, где? Точно, в дурацкой записке! Она совсем вылетела из головы. Скорее всего, ерунда, розыгрыш, но... стоит проверить! Как же выяснить, кто писал записку? Задача. Может, просто заглянуть в кафе в среду, в пять часов вечера? Шпагин звякнул стаканом о прилавок, благодарно улыбнулся толстой продавщице и быстро пошел вперед. В собственном расследовании наметился сдвиг.

Глава 14

Встреча в кафе

В среду, 6 августа Лиза проснулась с первыми лучами солнца. Вспомнилась дурацкая записка, оставленная в чемодане. Перед глазами снова встала разрытая могила на заброшенном кладбище, шевельнулся детский, суеверный страх. Молодая женщина зябко поежилась, тихонько села на край кровати, посмотрела на мирно дремавшего мужа. Лицо спокойное, такое родное и любимое... Нет, нет! Всё кончено! Он явится сегодня на встречу в кафе и всё объяснит! Там Вадим не сможет отвертеться. Так нельзя больше, нужно по-честному! А то стали как чужие, будто кошка черная пробежала. Вспомнились тягостные душные вечера. Она подает мужу ужин и сидит, натянуто улыбаясь, почти не притрагиваясь к еде, а он пристально, изучающее смотрит... Никто ничего не говорит, не объясняет, а ведь ссоры-то не было. Только тайна и подозрения.

Лизе вдруг захотелось разбудить супруга и спросить обо

всём в лоб, но обаяние раннего солнечного утра будто гипнотизировало, не давая себя разрушить. За окном купались в лучах солнца мелкие пушистые персики. Уже можно потихоньку снимать, собирать посылку для Нины. Ничего, что еще не совсем дозрели, зато в дороге не испортятся.

Девушка пружинисто соскочила с постели, побежала готовить завтрак. Интересно, получил ли он записку? Придет ли сегодня в кафе?

День тянулся мучительно медленно, всё валилось из рук. Симка не к месту путалась под ногами, мешала сосредоточиться. Лиза даже накричала на нее пару раз. Потом пожалела сестренку, расплакалась, пообещала вкусные пирожные. Девочка обрадовалась, тут же успокоилась и тихонько сидела в уголке. К четырем часам дня сёстры были полностью готовы, старшая заперла дверь дрожащей рукой и рванулась в жаркую духоту улицы. Девочка с трудом поспевала следом. Молодая женщина резко оглянулась, вздрогнула, словно впервые заметила жалкого, неловкого ребенка, и замедлила шаг. Всё равно спешить некуда, впереди еще так много времени. Нужно попробовать изобразить беззаботную прогулку.

Вот и угол Революции и Клубного переулка, выцветший бледно-розовый особняк начала века. Второй этаж жилой, витые замысловатые решетки балконов завешены сушащимся бельем, из приоткрытого окна доносится нестройное бренчание пианино. В школьные годы так же бездарно и ста-

рательно музицировала и сама Лиза, будто это могло чем-то помочь в жизни. Теперь уже ничего не поможет. Ощутила себя провинившейся школьницей под строгим, пронизывающим взглядом учителя. Боязливо оглянулась; из сквера напротив выходил молодцеватый парень с гусарскими усами. Тот самый, что спрашивал Вадима несколько дней назад. Лизе стало дурно, закружилась голова. Она остановилась у блестящей витрины кафе, тупо глядя на дверь. Симка потянула сестру за руку и почти силком втащила внутрь. От сладких запахов сделалось еще хуже. Огромный вентилятор под потолком лениво разгонял духоту; продавщица неспешно обслуживала немногочисленных покупателей. Основной народ придет через час, а пока еще много свободных столиков. Девушка в изнеможении прислонилась к застекленному прилавку, перед глазами мелькали блюда с разномастными пирожными, кружились и жужжали мухи.

– Дамочка, вы будете что-нибудь брать? И не висите на витрине, она не железная! – Хриплый, грубый голос продавщицы возвращал к реальности.

Елизавета шарахнулась назад, виновато глядя на толстую усатую тетку с кружевной наколкой в крупных кудрях.

Тут Серафима, всё это время жадно пожиравшая глазами кондитерское великолепие, взяла инициативу в свои руки:

– Пожалуйста, вот эту корзиночку с грибочками, вон ту с клубничками и шоколадный эклер! – Тоненький пальчик нетерпеливо тыкал в засаленное стекло.

Тетка с презрительным равнодушием накидала пирожные на большую белую тарелку с надписью «Общепит».

– Пить что будете?

– Сок! Яблочный, два стакана. – Лиза дрожащей рукой достала кошелек, вытащила крупную купюру, не глядя сгребла с прилавка сдачу. Обернулась, подыскивая подходящий столик. Хорошо бы сесть у окна; как раз освободилось место с видом на сквер. Она ринулась вперед, держа в каждой руке по стакану. Сзади семенила сестренка, крепко прижимая к груди белую тарелку с пирожными.

Только сидя на стуле, Лиза немного пришла в себя; способность соображать возвращалась крайне медленно. В незнакомых ситуациях часто нападала растерянность, граничащая со ступором. Как можно было этого не учесть?!

Она положила шляпку на стул рядом, пригубила сок. Отвратительно липкое и сладкое пойло! Отодвинула стакан, скользнула быстрым взглядом по сестренке: перепачканная шоколадом мордашка, растерзанный, помятый эклер и две аккуратненькие корзиночки на белой тарелке. «Дурашка, самое красивое оставляет на потом, любитесь, ест медленно, с краешку, чтобы как можно дольше не испортить вид. Даже у нее есть логика! Я же мечусь как угорелая! И не знаю, совсем не знаю, как правильно!»

Представилось, что она, словно в замедленной съемке, летит в море с обрыва, нужно попытаться спастись, но сил нет. Лиза встряхнула головой, отгоняя наваждение, и увиде-

ла его.

Молодой человек с гусарскими усиками весело кивнул и направился к их столику с подносом в руках.

– Здравствуйте, Елизавета Васильевна. У вас свободно?

Она молча кивнула.

«Ишь как побледнела, прямо барышня из романов времен царизма! Того и гляди в обморок хлопнется! Самое время «колоть». Вот только как?» Михаил про психологию книжек не читал, но видел, как Пospelов обрабатывал «клиента», дожимал, если надо. Шпагин милицейскому делу учился с жадностью, легко запоминал всё, что могло пригодиться. Вот и сейчас было важно представить, как повел бы себя опытный опер, и действовать так же. Парень весь подобрался, стараясь вжиться в роль, аж затылок привычно заныл.

Не спеша отпил чай и выжидательно уставился на молодую женщину, будто предлагая ей начать беседу самой.

Нет, не тянет она на матерую шпионку, скорее на случайную, проходную фигуру. Но тут же одернул себя: в делах государственной важности не бывает «случайных, невинных фигурантов», «чуть-чуть запачканных». Здесь или наш, или враг – без выбора. Но, видя огромные, перепуганные, такие детские глаза, на миг засомневался. Даже растерялся, утратил сыщицкий напор. Еще очень смущала девчушка, такая смешная, наивная, незащищенная. Она будто кричала: «Мы случайные, мы ни при чём!» Как, оказывается, сложно раскрутить «клиента»: тут без чувства своей правоты и силы ни-

как нельзя. Чтобы разозлить себя, подумал, к чему бы придраться. Ну, например, к перепачканной липкой сладостью сестренке. Ясно, ребенка для подстраховки притащила!

Шпагин сосредоточился и начал наступление. Для этого со звоном поставил чашку на блюде, подался вперед и, широко улыбаясь, произнес:

– Ваша записка дошла до адресата! Вы же назначали встречу на углу Революции и Клубного переулка в среду, в семнадцать ноль-ноль. Припоминаете? Вижу, что да! Не отпирайтесь!

Лиза к подобному повороту была совсем не готова. Скользящий стакан вырвался из рук, покатился по столу, разбрызгивая липкую влагу, и рассыпался осколками на кафельном полу. До нее, как сквозь вату, отголоском разлетающегося вдребезги мира дошел лишь далекий звон быющего стекла. Ввязываясь в историю, она и помыслить не могла, что у Вадима есть сообщники. Совершенно не знала, как говорить с посторонним человеком. Нет-нет, только не это!

Михаила же охватил радостный азарт рыбака, у которого впервые клюнул крупный сом. Теперь главное не дергать слишком сильно, не упустить и аккуратно вытащить добычу. Властным взглядом он пресек ворчание уборщицы, сметающей осколки грязным огрызком веника. Он был в штатском, но постарался придать облику гордую уверенность представителя власти.

– Итак, Елизавета Васильевна, я вас слушаю! – Улыбнулся

широко и дружелюбно, как добрый доктор, желающий пациенту лишь блага. Он очень рассчитывал, что женщина проболтается, кому «им» адресована записка. Тогда можно будет уверенно продолжить блефовать.

Златова молчала, отсутствующий взгляд был обращен в пространство. Сержант довольно умело выдерживал паузу, боясь спугнуть удачу. Он оглянулся по сторонам, затем задержал взгляд на Симе, которая как ни в чём не бывало принялась за последнее пирожное. Девчонка медленно подбиралась ложечкой к кремовым грибочкам со шляпками из печенья, не замечая ничего кругом: ни постороннего дяди, ни испуга сестры, ни разбитого стакана. Мишка начал припоминать, что девочка «немного того». Майор не распространялся по поводу болезни родственницы, но всего не утаишь. По отделению ходили всякие сплетни и домыслы про огромную любовь, из-за которой мужик дурочку свояченицу принял как родную дочь. Жаль, раньше сержант не придавал значения слухам. Сейчас же, вспомнив об этом, проникся к майору симпатией. Совершенно неуместной симпатией. Еще разок пригляделся к странноватой девчонке. Без врача видно, что больная. Еще выкинет какой-нибудь фортель. При ней продолжать никак невозможно. Нужно подождать, пока она прикончит пирожное, и вытащить сестер в сквер напротив. Глянул вперед через засиженное мухами огромное окно, мысленно подыскивая подходящую скамейку. Ничего годного! Народу как блох на Тузике. Хотя всего половина шестого,

и солнце жарит по-пляжному. Всё-таки мало мест в городе, где культурно отдохнуть можно, а сад такой всего один.

Значит, другим путем идти нужно. «Клиент» лучше всего раскалывается на месте преступления.

– Итак, Елизавета Васильевна, вы так и собираетесь молчать?! Тогда предлагаю продолжить разговор в более подходящем месте. Вы, конечно, хорошо помните рощицу на берегу лимана?

Лиза вздрогнула, затравленно озираясь.

– Так вот, вы сейчас отведете ребенка домой и отправитесь на то же место, где мы мимоходом виделись позавчера. Не отпирайтесь и не делайте глупостей! Ясно? Всё равно ничего не получится! За вами будут наблюдать, и не я один! Понятно?

Она молча кивнула, до конца не понимая, во что ввязывается. Здравый смысл куда-то испарился, остались только оупение и растерянность.

Лиза чувствовала, что нельзя соглашаться, нельзя принимать условия почти незнакомого человека. Почти... Где-то она его уже видела, если не считать вчерашнего. «Он явно тоже из милиции. Кто он – сообщник? Или участник большой операции? Вдруг Вадим при исполнении был?! А я влезла, как дура! Всё испортила! Секретные документы украла и спрятала! А это – это преступление, измена родине! Что же теперь делать?»

Девушка в ужасе закрыла лицо руками, порывисто вста-

ла из-за стола, принялась теребить сестренку, чтобы доедала скорее. Девочка как зачарованная ковыряла ложечкой последний грибочек.

– Сима, давай скорее! Домой пора! Пошли уже! – Не видя реакции, Лиза начала раздражаться, дернулась. Всплеснула в сердцах руками, нечаянно задела локтем расфуфыренную девицу с большой тарелкой, пирожные полетели на пол.

– Ты полегче там! Пьяная, что ль?! – разозлилась красотка, жеманно воззрившись на своего кавалера, в чьи планы явно не входили лишние траты.

– Это сколько же можно продукты переводить! – визгливо возмутился тот. – По коммерческим, между прочим, ценам! В стране продовольствия не хватает. Система, между прочим, карточная! А вы, дамочка, эклеры на пол разбрасываете! Чёрт знает что такое!

Лиза тупо смотрела на потную, покрасневшую лысину крикливого дядьки в мешковатом костюме и не могла понять, зачем же так орать из-за пустяков. Наконец с трудом сообразила.

– Извините, пожалуйста, я не нарочно... – Дрожащей рукой вытащила кошелек. – Я заплачу!

– Суть не деньгах, а в принципе! – продолжил дядька по инерции на повышенных тонах, однако затем, заметно успокоившись, добавил: – Рабочему человеку каждая копейка трудом достается! Большим трудом!

Мужичок смял десятирублевку и, продолжая ворчать,

снова пошел к прилавку. Все посетители кафешки, не стесняясь, насмешливо рассматривали «малахольную дамочку с больным ребенком», некоторые осуждали, другие подшучивали вслух.

Михаил клял себя последними словами. «Это же надо такой цирк устроить! Свяжись с дурой! Ей теперь ход сюда заказан: долго еще узнавать будут! Как же она с настоящим адресатом записки встретится? Или он уже был здесь?! Я тоже тот еще кретин!»

Шпагин шепотом выругался, осознавая свой непрофессионализм. «Сыщиком себя вообразил, пинкертон хренов! Правы начальники! Ох, правы! Салага ты и есть! Ни опыта, ни знаний!» В сердцах хлопнул дверью, ныряя в раскаленный солнцем воздух. «Учиться надо дураку! А тут с отсебятиной полез, дров наломать хочешь! За участком следить надо, а не шпионов выискивать!»

Лиза не заставила себя ждать. Михаил раздраженно шикнул на нее, чтобы не делала глупостей, добавил, что будет ждать у дома на Хлебной улице, и свернул в переулок. Весело светило солнце, и настроение поползло вверх. Такой уж был человек Михаил, он не то что на себя – на других долго злиться не мог! «Легкий, жизнерадостный, отходчивый!» – хвалили друзья. «Раздолбай легкомысленный! Попрыгунчик-стрекозел!» – ворчали старики. Но это зря! Бездельником и дураком он уж точно не был. Просто мальчишество слегка поигрывало в голове. Да и какой зрелости можно

ждать в двадцать один год?!

По инерции распекая себя, Шпагин свернул на Хлебную улицу, остановился в тенике за деревом и закурил. Минут десять спустя сёстры подошли к калитке и скрылись внутри. Минуты проходили, Лиза так и не показывалась. В голову полезли тревожные мысли: «Вдруг сбежала красotka через черный ход? Или подельников предупредила? Или мужа?»

Не в силах больше терпеть, младший лейтенант шагнул к зеленому крашеному забору и толкнул ногой калитку; та с резким скрипом распахнулась, едва не ударив хозяйку дома.

– Елизавета Васильевна, вам нужно дополнительное приглашение?! Ай-ай-ай!

Молодая женщина покорно вышла на улицу и медленно пошла по знакомой до боли дороге. Михаил, сопровождая ее на почтительном расстоянии, снова начинал злиться на себя. «Это же надо было так засветиться! Да еще с женой начальника! Если кто из знакомых увидит, подумают, любовь у нас! Еще аморалку пришьют!»

Лиза быстро свернула на кладбище; почти побежала между знакомых могил. Скорее бы закончился этот страшный сон! Потом мелькнула мысль о том, что парень играет с ней, как кошка с мышкой, заманивает, чтобы убить!

Девушка резко остановилась рядом с разбитым караимским надгробием.

– Я дальше не пойду! Что вам от меня нужно? Не подходите, слышите? Я буду кричать!

Опешивший Михаил примирительно поднял руки и остановился.

—

Я не собираюсь делать вам ничего плохого. Просто вы должны мне кое-что рассказать! — Он сделал паузу и постарался придать голосу побольше строгости. — Сейчас подойду поближе, и мы мирно побеседуем. Кричать не советую! Кругом пустырь. Если кто и услышит, то лишь тощая бабка в черном платке, которая, как на дежурство, ходит на могилу сына-моряка. Парень жизнь за родину отдал, вряд ли мать станет помогать врагам!

— Я не враг! — Девушка энергично затрясла головой.

— Но его пособник, так ведь? Вы знали с Водяным и его друзьями! На записке ваши отпечатки пальцев, не отпирайтесь!

Лиза истерически разрыдалась, в бессилии опускаясь на обломок камня.

— Нет, нет, нет! Ни с кем я не зналась! Вы не поняли! Я мужу записку написала, выяснить важное хотела!

Она судорожно всхлипнула и закрыла лицо ладонями. Михаил на мгновение пожалел, что под рукой нет воды, чтобы немного привести женщину в чувство. Но, с другой стороны, понимал: чем больше она потеряет контроль над собой, тем скорее выложит всё.

— То есть вы утверждаете, что, вместо того чтобы поговорить с мужем дома по душам, решили написать ему запис-

ку с упоминанием имени фашистского прихвостня? Немного нелогично, не правда ли? – ехидно улыбнулся сержант.

– Да-да, глупо, но я не знала, как поступить! – Лиза подняла на него влажные от слёз невинные синие глаза.

Шпагин вздрогнул, вспомнив, что красивая женщина шутя может охмурить, усыпить бдительность. И прощай, боец! Тут главное ни в коем случае не поддаваться!

– Выкладывайте всё по порядку, с самого начала! Будем разбираться!

– С начала, говорите? Ну хорошо! – Она смутилась, покраснела, затем побледнела, будто впала в оцепенение, а потом резко, будто в омут кинувшись, затараторила: – Однажды ночью я незаметно следила за Вадимом, мне казалось, что у него другая... Понимаете? Захотела точно удостовериться. Вот и удостоверилась, только совсем не в том... – Взгляд стал невидящим, слова давались с большим трудом. – Муж встретился, но не с женщиной... а с мужчиной, с противным, бородатым таким... Я не знала тогда, что это Водяной... Они пошли сюда, на заброшенное Караимское кладбище, постояли у той могилы, проверили что-то... О чём говорили, не слышно было совсем, потом направились к кромке воды. Вадим убил его, а тело бросил в лиман.

Лиза снова расплакалась. Михаил от удивления не сразу нашел что сказать, машинально полез в карман за папиросами, наткнулся на пустую пачку, скомкал ее и швырнул в кусты. Надо же! Майор милиции тайно встречается с бывшим

полицаем... Неужто правда? Тогда что это? Его собственная игра или большая операция? Вот, действительно, вопрос так вопрос!

– Я не знала, что и подумать. Ну, в смысле, работа это или связался Вадим с тем гадом. Напрямую поговорить боялась, ведь пришлось бы сознаться, что следила... – Она глубоко вздохнула, виновато посмотрела на собеседника. – В общем, решила разобраться сама. Запомнила ту могилу, у которой они копошились, еще подумала, может, там клад. На следующий день пришла, откопала. А там архивы немецкие...

– Что ты сказала? Архивы?! – От волнения Михаил перешел на «ты». Мысли крутились с лихорадочной быстротой, не находя ни одного путного объяснения. – И что стало с бумагами? Он забрал их?

– Нет! То есть не знаю! Но пять дней назад они еще были на месте... – пролепетала Лиза. Про спрятанные микро пленки решила промолчать: чувствовала, это может дать шанс выжить, именно выжить! До ужаса ясно осознала, как сильно заигралась. Только бы этот парень ничего не узнал! Странно всё, ведет себя так, будто впервые слышит о тайнике... Откуда же знает про записку? Мысли лихорадочно проносились в голове. Она чувствовала: пауза затягивается, нужно что-то сказать. – Записку о встрече туда положила. Ну, ту, на которую откликнулись вы! – Женщина громко всхлипнула и быстро зашептала: – Я убедиться хотела, что Вадим вскроет коробку. Да, очень, очень виновата, глупость сделала, но

поймите! Не могу же я считать врагом любимого!

– Да-да, действительно врагом... – с досадой повторил Михаил, осознавая, что все подозрения падают именно на Златова. – Иди показывай свою могилу. Живей! Убедимся, не наговариваешь ли ты на товарища майора.

Лиза удивленно глянула на сержанта и, покачиваясь, побрела по знакомой тропинке. Нужное надгробие издалека бросалось в глаза, трава вокруг была изрядно притоптана, кое-где валялись комки земли.

– Это ты тут «порядок навела»? – усмехнулся Шпагин. – Теперь за километр видно, что место рассекречено!

Молодая женщина растерянно кивнула. Действительно, об этом она как-то не подумала. Как, впрочем, и о многом другом.

Михаилу не терпелось узнать, что же там зарыто. Легко откинул замшелый камень и, не тратя времени на поиски лопаты, начал ковырять землю обломком палки. Скоро показался серый деревянный ящик с фашистским орлом. Щелкнули замки, откинулась крышка.

Первым делом на глаза попала злосчастная записка. Шпагин усмехнулся.

– Вот твоя наживка! Не клюнул зверь! – В ответ на испуганный, недоуменный взгляд добавил: – Не надо было второй, прилипший листок выбрасывать где попало! Эх ты, сыщик!

Вдруг стало жаль эту глупую бабу, так некстати влезшую

в опасное дело. Он почти поверил ей, ведь не могла же матерая шпионка так нелепо раскидывать улики и раскрывать тайник. Стоп. А если не матерая, а так – сбоку припека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.